

И. М. Кулишер

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Русский тариф

Иосиф Кулишер

**История русской торговли
и промышленности**

«Интермедиатор»

1923

УДК [338.3/.4+339.5](470+571)(091)
ББК 65.30(2Рос)

Кулишер И. М.

История русской торговли и промышленности / И. М. Кулишер —
«Интермедиатор», 1923 — (Русский тариф)

ISBN 978-5-91603-688-6

В сборнике опубликованы две работы российского экономиста-историка с мировым именем И. М. Кулишера (1878—1833): «Очерк истории русской торговли» (1923) и «Очерк истории русской промышленности» (1922), в которых подробно исследуется развитие торговли и промышленности в нашей стране с древнейших времен до XIX в.

УДК [338.3/.4+339.5](470+571)(091)

ББК 65.30(2Рос)

ISBN 978-5-91603-688-6

© Кулишер И. М., 1923

© Интермедиатор, 1923

Содержание

Очерк истории русской торговли	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Иосиф Кулишер

История русской торговли и промышленности

«Русский тариф»

Серия основана в 2005 г.

Составление и научная редакция серии

к. и. н. М. М. Савченко

Выпуск 5

Воспроизводится по изданиям:

Кулишер И. М. Очерк истории русской промышленности. Пг.: К.-О. Петрогубпрофсов, 1922.

Кулишер И. М. Очерк истории русской торговли. Пб.: Атеней, 1923.

Электронное издание на основе печатного издания: История русской торговли и промышленности / И. М. Кулишер. – Москва ; Челябинск : Социум, 2016. – 488 с. – (Русский тариф; вып. 5). – ISBN 978-5-906401-64-9. – Текст : непосредственный.

Портрет И. М. Кулишера на обложке из архива С. М. Виноградова.

Очерк истории русской торговли

Глава 1

Торговля русов с Востоком в древнейшие времена

Еще в 1847 г. известный ориенталист П. С. Савельев обратил внимание на арабские монеты, находимые в России, как на важный источник для изучения сношений Древней Руси с Востоком. Если, по словам Гиббона, на основании одних медалей можно установить путешествия императора Адриана, то и арабские монеты открывают исторические факты, о которых умалчивают летописи. Арабские, или куфические, монеты (от г. Куфы, где установлено старинное арабское письмо, употребленное для их надписей), которые начали чеканить в самом конце VII ст. (после Р. Х.), будучи немymi памятниками, все же подробно рассказывают нам о многих явлениях своего времени. Место чеканки, на них обозначенное, свидетельствует о том, что данный город в это время признавал власть определенной династии, и указывает на географическое протяжение государства; титулы эмира или султана и присутствие или отсутствие имени современного халифа на монете показывают отношение чеканившего к «повелителю правоверных», духовному главе мусульманского мира; притязание владетеля или его наместников на независимость, явная вражда или разрыв его с халифом выражаются опущением имени последнего. Мало того, самое нахождение арабских монет в какой-либо стране уже означает факт сношений между ней и Востоком в данный период, ибо на Востоке монета, как эмблема верховной власти данного времени, перечеканивалась с восшествием на престол каждого нового халифа или султана.

В русской земле найдены «целые капиталы» в куфических монетах VIII—XI ст. Населению негде было укрывать свои ценности в ином месте, как «в матери сырой земле». Она служила для них своего рода банком. Тщательно хороня свое добро близ дома или на берегу реки, они делали тайный знак – клали камень или сажали деревце и находили по ним свое сокровище. Но в случае смерти их «безответный банкир» навсегда хранил вверенную ему тайну. В других случаях богатства буквально «хоронили» вместе с их хозяином – и могильные холмы сохранили их до наших времен. Все эти монеты – серебряные, хорошо сохранившиеся, с четкими надписями. Часто они надрублены надвое или на четыре части, разрезаны ножницами или разломаны – доказательство отсутствия мелкой монеты, которую должны были заменять части крупной – диргемов (никакой иной монеты не знали), способ, практикуемый, впрочем, в раннее Средневековье и в Западной Европе («ломаная монета»)¹.

«Каким же образом и вследствие какого политического переворота эти огромные массы серебряных куфических монет перенесены были с берегов Каспия, Аму- и Сыр-Дарьи и городов халифата в равнины России и на берега Балтийского моря?» – спрашивает П. С. Савельев. Он не настолько наивен, чтобы приписывать все эти клады исключительно торговым сношениям Руси с Востоком, ибо ясно, что ценности могут переходить от одного народа к другому и всевозможными иными способами: путем дани, уплачиваемой покоренными племенами или народами, которые откупаются от нападений других путем получения подарков, уплаты вир, оброков и сборов разного рода и в особенности посредством насильственного захвата, в качестве военной добычи. Савельев и указывает на то, что азиатские монеты VII—XI ст. занесены частью торговлей с мусульманскими народами прикаспийских стран, частью вследствие грабительских набегов на берега Каспийского моря; монеты же африканско-арабские и испано-

¹ Савельев. Мухаммеданская нумизматика. 1846.

арабские попали благодаря норманнам, которые неоднократно грабили Испанию и Африку, а потом утвердились и на Руси.

Мало того, Савельев понимает, что для доказательства факта торговых сношений мало безмолвных свидетелей – монет, нужно еще нечто большее – подтверждение говорящих памятников, летописцев, в данном случае арабских географов X ст., которые в лице Ибн-Фоцлана, Масуди, Истахри, Ибн-Хаукаля, Ибн-Ростеха и других много странствовали в нынешней юго-восточной части России и оставили нам описания своих путешествий, характеристику этих местностей и их населения. Лишь в том случае, если эти авторы действительно признают, что сношения между Востоком и русскими областями имели торговый характер, мы вправе утверждать, чтоклады эти были занесены именно таким, а не каким-либо иным способом.

Но и поскольку Савельев таким путем устанавливает товарообмен Руси с Востоком, он все же считает нужным указывать на то, что последний шел рука об руку с походами, с кровопролитной борьбой, с захватом добычи. Так, у арабов, торговля которых составляет исходную точку в исследовании этого вопроса, она шла рука об руку с завоеваниями. Магомет, «правда, убил поэзию народа, заменив ее Алкораном, зато развил его воинственность и его торговый дух» – и то и другое одновременно. Тот же самый араб, который с ожесточением дрался с «неверными», не гнушался вступать с ними в обмен, потому что «куплю и продажу» завещал пророк – «храм, рядом училище, перед ним рынок; это торговля и просвещение под покровом религии, могущество и слава халифата»².

Но «торговые пути арабов прокладывало их оружие: каждое новое завоевание было новым рынком». На западном берегу Каспия сидели хазары, «и они первые из народов России вступили в непосредственные сношения с арабами, сперва в битвах против них на берегах Аракса и в Закавказье, потом в торговле с ними на берегах Итиля (Волги)». После того как халифат завоевал ряд хазарских городов, хакан перенес свой шатер на берега Волги, и хазарской столицей стал Итиль, названный по имени реки и расположенный около нынешней Астрахани. По словам Ибн-Фоцлана, хазарская столица состоит из двух частей, которые отделены друг от друга рекой; на западной стороне реки живет царь и его вельможи, на восточной – магометане, причем в этой восточной части живут купцы и находятся товары. У Ибн-Хаукаля также читаем: «Хазеран имя восточной половины города Итиля, где находится большая часть купцов, магометан и товары; западная же часть исключительно для царя, вельмож и войска». То же повторяет и Эль-Балхи³. Таким образом, восточная часть Итиля, или Хазеран, как она именовалась, составляла особую слободу, в которой жили иностранные купцы, отделенную от прочего города рекой. Это характерное явление для ранних эпох истории торговли и вполне понятное, если иметь в виду указанную нами тесную связь торговли с грабительскими набегами. Неудивительно, что население боялось впускать в пределы городской территории иноземцев, в которых оно привыкло видеть врагов; в данном случае воинственные арабы, многократно производившие набеги на хазар, даже будучи купцами, не могли внушать хазарам особого доверия. Поэтому-то их держали в особой слободе по другой стороне реки, что являлось более безопасным.

Далее, арабы знали лежавшую к северо-востоку землю буртасов (или бурдасов) в нынешней Симбирской губернии, о которых АлБекри замечает, что «они имеют обширную страну и много торговых мест»⁴, знали и граничащих с ними болгар. «Булгар, – говорит Ибн-Хауаль, – небольшой город, не имеющий многих владений; известен же был он потому, что был гава-

² Савельев. Мухаммеданская нумизматика.

³ Fraehn. Die ältesten arabischen über die Wolga-Bulgaren aus Ibn-Foczlans Reiseberichten // Записки Императорской Академии Наук. I-583 сл., 588 сл., 602.

⁴ Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. I. Пер. Ал-Бекри бар. Розена // Записки Императорской Академии Наук. Т. 32. № 2. Приложение. 1878. С. 62.

нию этих государств»⁵. Современные авторы не без основания понимают под гаванью торговый порт и складочное место (рынок, торговый центр)⁶. В средневековой Англии port, во Франции portus (порт) означало торговое место, рынок⁷. Мы находим обычно соединение того и другого.

Относительно торговли приволжских народов Масуди сообщает, что караваны постоянно ходят с товарами из страны Болгар в Ховарезм и обратно, причем им приходится защищаться от кочевых тюркских племен, через страны которых они проходят. Из страны буртасов, – продолжает он, – живущих у этой реки, вывозят меха черных и красных лисиц, которые и называются буртасскими. Арабские и персидские цари ценят черные меха выше куньих, собольих и иных и делают из них шапки, кафтаны и шубы⁸. О торговле хазар и арабов с приволжскими болгарами сообщает и Ибн-Ростех: хазары ведут торговлю с болгарами; когда приходят туда мусульманские суда, то с них берется десятая часть товаров в виде пошлины⁹.

Город Булгар, – говорит П. С. Савельев, – был, однако, крайним пределом странствований арабов Хст. и самым северным пунктом торговли халифата; арабы не отваживались заходить далее Булгара¹⁰. Действительно, Джейхани, Истахри, Ибн-Хаукаль, Эль-Балхи – все в один голос утверждают, что купцы не осмеливаются ездить далее к племени (русов) Арта или Артанья (Арсания), так как эти люди убивают немедленно всякого чужестранца, между тем как они сами путешествуют по воде и производят торговлю. Следовательно, сношения и с этим племенем существовали, только арабы не решались сами отправляться туда. Комментаторы указывают на то, что болгары намеренно представляли эту страну столь опасной и недоступной, чтобы удерживать восточных купцов от попыток лично проникнуть в эти страны и таким образом сохранять торговлю с ними в своих руках; этот прием сопоставляют с подобным же образом действий финикиян, которые также старались преувеличивать опасности предпринимаемых ими с торговыми целями путешествий¹¹.

Но возникает вопрос, кто же были эти арты и эртсы (артсы). Мнения писателей расходятся. Френ понимает под Эрсой Арзамас Нижегородской губернии, Савельев – эрзу, или мордву, то же Георг Якоб и Маркварт. Хвольсон читает не Арсания, а Армания и полагает, что опущена буква «б» в начале, т.е. должно быть Бармания-Биарма, речь идет, следовательно, о пермяках на Каме. Наконец, Ф. Ф. Вестберг указывает на то, что те товары, которыми, по словам восточных географов, торговало это племя, исключают земли мордвы, а метят на Скандинавию, изобилующую металлами, – отсюда привозятся (по словам Эл-Балхи, Истахри, Джейхани, Ал-Хоросани и персидского автора X ст.), кроме черных соболей (и лисиц), свинец, олово, мечи и клинки¹².

Толкование этого места весьма существенно, ибо это племя является у упомянутых писателей одной из трех народностей, на которые распадаются русы. Другие два племени русов находятся одно по соседству с Булгаром и царь его живет в Куябе, под которым понимают Киев,

⁵ Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. 1879. С. 218.

⁶ См.: Вестберг. К анализу восточных источников о восточной Европе // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1908. Т. XIII. С. 387. Т. XIV. С. 3.

⁷ Maitland. Domesday Book and Beyond. 1897. P. 195. Pirenne. Villes, marches et marchands au moyen-age // Revue historique. Т. 67. P. 75.

⁸ Хвольсон. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах. Абу-Али-Ахмеда-Бен-Омар Ибн-Даста. 1869. С. 163—164.

⁹ Там же. С. 160.

¹⁰ Савельев. Мухаммеданская нумизматика. С. XCIII.

¹¹ Хвольсон. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах. Абу-Али-Ахмеда-Бен-Омар Ибн-Даста. С. 174.

¹² Fraehn. Die ältesten arabischen über die Wolga-Bulgaren aus Ibn-Foczlans Reiseberichten. S. 162. Савельев. Мухаммеданская нумизматика. С. CXIII. Хвольсон. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах. Абу-Али-Ахмеда-Бен-Омар Ибн-Даста. С. 174 сл. Вестберг. К анализу восточных источников о восточной Европе // Журнал Министерства Народного Просвещения. С. X111, 398.

а другое – в Новгороде; это, по-видимому, новгородские славяне, хотя и последнее далеко не выяснено.

Но о торговле русов с различными народами – хазарами, бургасами, болгарами, арабские географы X ст. упоминают неоднократно. Так, Ибн-Ростех рассказывает, что Русь привозит к болгарам свои товары: меха соболей, горностаевые и другие. Они ездят и в хазарскую столицу и продают и там меха и невольников¹³. У Ал-Бекри читаем относительно болгар, что «хазары ведут с ними торговые сношения и также русы»¹⁴. «Я видел русов, – сообщает Ибн-Фоцлан, – когда они пришли со своими товарами и расположились на реке Итиль. При этом они остановились не в самом городе, а на некотором расстоянии его, по Волге (как подобало, прибавим, иностранцам, которых боялись допускать в город). Там, продолжает он, они оставались до тех пор, пока не успевали продать товары, но постоянно не проживали, а являлись лишь временно для торговли (быть может, на время ярмарки – также обычное явление в ранние эпохи культуры). Они молились, читаем далее, своим идолам, чтобы они послали им покупателей товаров, которые бы купили у них все и с ними бы не торговались и имели бы много динаров и диргем – продавали, следовательно, товары на звонкую монету»¹. Не ясно только, где их встретил Фоцлан – в Хазарии или в Болгарии; как Итиль, так и Булгар, лежали ведь по Волге. А. Я. Гаркави (еще до него Савельев) и Ф. Ф. Вестберг находят, что речь идет о Булгаре¹⁵¹⁶.

Но Масуди рассказывает о том, что русы имели в Итиле, хазарской столице, свои жилища, где жили купцы. Он же встречал восточных купцов, путешествующих в страну хазар, а оттуда по морям Майотас и Найтас (т.е. Азовскому и Черному) в земли русов и болгар. Таким образом, существовала и непосредственная торговля между страной русов и арабами, а не только между русами и хазарами или (волжскими) болгарами.

Кто же были эти русы? Только что упомянутый Масуди прибавляет: русы путешествуют с товарами в страну Андалус, Румию, Кустантинию и Хозар. Между ними есть многочисленнейшее племя, называемое лудагия; другие читают: «лудзана», «будгана», «нурмана» и толкуют в смысле лучан (Шармуа), готланцев (де Гуге), ладожан (Френ, Савельев, Гаркави), наконец, норманнов (Хвольсон, Вестберг)¹⁷. Последний обращает внимание на то, что на скандинавский мир указывает следующее сообщение Масуди: они (русы) образуют великий народ, не подчиняющийся ни царю, ни закону, т.е. у них нет политической организации, а это не соответствует условиям жизни русского народа в первой половине X ст. Далее говорится: «Русы имеют в своей стране серебряный рудник», – но мы напрасно стали бы искать серебряные рудники на Руси в это время.

К числу наиболее ранних арабских источников, трактующих о русах (первый мусульманин, о них упоминающий), принадлежит «Книга путей и государств» Ибн-Хордадбега. В противоположность приводимым выше авторам он писал не в X, а в IX ст., именно, по Кунику, около 860 г. (по де Гюэ, между 854-м и 869-м), т.е. задолго до смерти Рюрика¹⁸. У него имеется глава под названием «Маршрут купцов русов», которая начинается словами: «И они вид (род, племя) славян». Из самых отдаленных частей страны Саклаба (под которой понимают славянскую землю) они направляются к морю Румскому (по-видимому, Черное море) и продают там

¹³ Хвольсон. Известия о хозарах, бургасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах. Абу-Али-Ахмеда-Бен-Омар Ибн-Даста. С. 160.

¹⁴ Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. I. С. 63.

¹⁵ Гаркави. Сказания мусульманских писателей. С. 93 сл.

¹⁶ Гаркави. Указ. соч. С. 108 сл. Савельев. Мухаммеданская нумизматика. С. LIX сл. Вестберг. К анализу восточных источников о восточной Европе. С. XIV, 1 сл.

¹⁷ De Goeje. Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Pars VIII. 141. Marquart. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. 1903. S. 342 ff. Хвольсон. Известия о хозарах, бургасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах. Абу-Али-Ахмеда-Бен-Омар Ибн-Даста. С. 166—67. Вестберг. Указ. соч. С. 380 сл., 390. Fraehn. Die ältesten arabischen über die Wolga-Bulgaren aus Ibn-Foczlans Reiseberichten. S. 71. Гаркави. Указ. соч. С. 155.

¹⁸ Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. II. С. 119—121.

меха бобров (по другому толкованию выхухоли) и черных лисиц, причем царь Рума (Византии) с них взимает десятую часть в виде пошлины (по одним толкованиям, в Константинополе, по другим – по Тнаису, славянской реке (под которой одни понимают Дон, другие Волгу), и доходят до хазарского города Камлиджа, где царь с них берет десятину. Иногда они везут свои товары на верблюдах в Багдад. Таким образом, купеческие караваны русов путешествовали двумя различными маршрутами: либо они отправлялись по Днепру к Черному морю, либо по Волге (а не Дону – это объяснение, по-видимому, более правильно) к Каспийскому морю и затем далее в Багдад¹⁹. Во всяком случае, как подчеркивает Ф. Ф. Вестберг, Ибн-Хордадбех представлял себе родину русов лежащей где-то на дальнем севере, на окраинах славянской земли, вблизи верховьев Волги – «из отдаленнейших славянских стран», по Гаркави, означает «из стран новгородских славян».

На это было обращено особое внимание в последнее время. Ибн-Ростех, Гардизи, Ал-Бекри, как и позднейшие комментаторы, изображают русь прежде всего как племя, живущее грабежом, и лишь в дополнение к этому занимаются торговлей; землю же они во всяком случае не пашут. «Русь имеет царя, который зовется Хакан-русь. Они производят набеги на славян; подъезжают к ним на кораблях, выходят на берег и полонят народ, который отправляют потом в Хозеран (Итиль) и к болгарам и продают там. Пашен русь не имеет и питается лишь тем, что добывает в земле славян. Когда у кого из руси родится сын, отец берет обнаженный меч, кладет его перед дитятем и говорит: не оставлю в наследство тебе никакого имущества, будешь иметь только то, что приобретешь себе этим мечом»²⁰ (Ибн-Ростех).

Мы имеем перед собой, безусловно, разбойничье племя, которое все добывает мечом и которое у других «силою отнимает полезные предметы, чтобы они находились у них» (русов) – хотя и прибавлено, что они торгуют мехами. Указывается и на то, что «русь живет на острове, окруженном озером; он нездоров и сыр до того, что стоит наступить ногою на землю, и она уже трясется по причине рыхлости от обилия воды».

Ф. Ф. Вестберг указывает на то, что, согласно арабским писателям, русы должны жить на верховьях Волги, так как на среднем и нижнем течении Волги помещаются другие народы, как-то: болгары, буртасы, хазары, и он утверждает, что «разбойничье гнездо островных русов находится на севере Восточной Европы в стране славян. В бассейн реки Днепра русы еще не проникли, во всяком случае не успели еще овладеть Киевом. Итак, автор нашего первоисточника писал не позже середины 50-х годов IX ст., еще до появления в Киеве Аскольда и Дира, которые (по Кунику) засели там по крайней мере около 855 г., если не раньше, ибо уже в 860 г. они предпринимают свой знаменитый поход на Византию». По мнению его, остров русов совпадает с Holmgard (островной город) исландских саг, т.е. Новгородом. Здесь мы имеем начало русского государства. Источник подтверждает норманнское происхождение Древней Руси²¹.

на этом вопросе останавливается А. А. Шахматов в своем посмертном исследовании о древних судьбах русского племени. Он указывает на то, что, начиная с VIII ст., Европа становится поприщем деятельности норманнов, т.е. жителей Дании, Норвегии и Швеции, которые совершают набеги на прибрежные страны, предаваясь вообще грабежу и насилиям, но в отдельных случаях стремясь и к покорению чужеземных народов, к насильственному среди них водворению. Путь их шел на запад и на юг (к берегам Англии, Франции, Испании, в Сре-

¹⁹ De Goeje. Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Pars VI, 115. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. II. С. 129—131. Marquart. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. S. 31, 198. Вестберг. К анализу восточных источников о восточной Европе. С. 370 сл. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. С. 49—54 сл.

²⁰ Бартольд. Отчет о поездке в среднюю Азию // Записки Императорской Академии Наук по историческому отделению. VIII серия. Т. II. № 4. Приложение. С. 123. Хвольсон. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах. Абу-Али-Ахмеда-Бен-Омар Ибн-Дастан. С. 34 сл., 152 сл.

²¹ Вестберг. К анализу восточных источников о восточной Европе // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1908. Т. XIV. С. 24 сл.

диземное море), так и в Балтийское море – в Курляндию, Ливонию, Эстляндию и Финляндию, но затем они достигли устьев Двины и углубились дальше, двигаясь по Волге. В то время как византийских монет в Швеции и Готланде насчитывалось только до 200, число арабских монет, найденных там, доходит до 24 тыс. и 14 тыс. обломков. Исследователь этих монет Арн сделал вывод, к которому присоединяется А. А. Шахматов, что путь по Волге открыт скандинавами раньше, чем путь на юг в Византию по Днестру. Многочисленность этих монет в Швеции свидетельствует, по мнению последнего, что монеты эти попадали не только через посредство восточных купцов (арабов или хазар), отправлявшихся вверх по Волге, но что «клады эти собраны и скрыты самими готландцами, посещавшими восточные страны, т.е. прежде всего юговосточную Россию, где, по свидетельству археологических находок, процветали торговые сношения с Азией»²².

Каким способом добывались норманнами эти монеты? Хотя, как мы видели, арабские источники и упоминают о торговле русов с булгарами, бургасами, хазарами, но все же первостепенное значение эти писатели придают приобретению русами имущества мечом, а отнюдь не мирным обменом. Уже в IX—Xст. они создали и постоянные поселения – «административные центры, куда свозилась собираемая дань и награбленная добыча». При этом, по мнению А. А. Шахматова, остров, на котором арабы полагали русское государство и который нездоров и сыр и где земля трясется по причине обилия воды, означает не Новгород и вообще не обязательно остров, ибо под последним арабы могли разуместь вообще какую-либо из областей, ограниченных озерами, болотами, реками, которых на севере немало и которые в известном смысле соответствуют представлению об острове. Он отдает предпочтение Старой Русе. Осевшие здесь варяги и называли себя русью. Западные финны и до сих пор называют Скандинавию Русью (Ruosto)²³.

И С. Ф. Платонов придает большое значение этой гипотезе, согласно которой древнейшая Русь находилась между Ильменем и волжскими верховьями²⁴. Отсюда уже вскоре после 839 г. началось движение Руси на юг – об этом свидетельствует то, что в 860 г. мы видим уже русских под стенами Царьграда. Этому походу должно было предшествовать более или менее продолжительное существование русской державы на юге, а чтобы утвердиться здесь, ей пришлось вести борьбу с хазарами и покорить силой оружия восточнославянские племена, сидевшие на верхнем и среднем течении Днепра. В результате этой борьбы и завоеваний установился наряду с волжским путем и новый днепровский путь из варяг в греки, о котором сообщает первоначальная летопись. Она уже трактует о сношениях Руси с Византией, которые составляют второй период в истории России²⁵.

²² Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. 1919. С. 43—45. Arne. La Suede et l'Orient. 1914. P. 89—90.

²³ Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. С. 50—56.

²⁴ Платонов. Руса // Дела и Дни. I. 1920. С. 1 сл.

²⁵ Шахматов. Указ. соч. С. 45, 58.

Глава 2

Торговля Руси с греками на основании договоров X ст.

Торговля Руси с греками нам известна гораздо лучше, чем торговые сношения с арабами и народностями, жившими по Волге, — известна, главным образом, благодаря тем дошедшим до нас договорам, которые были заключены в X ст. русскими князьями с Византией.

Договоры эти, по словам А. В. Лонгинова, «представляют яркую картину древнерусской жизни», «среди многочисленных, нередко противоречивых и запутанных известий» того времени «блестят путеводною звездою»²⁶. Это значение договоров с греками признавал еще в начале XIX ст. Шлецер, первый занявшийся изучением их. Но, заявляя, что договор Олега с императорами Львом и Александром «составляет одну из достопамятностей всего среднего века, что-то единственное во всем историческом мире», Шлецер добавляет: если бы он действительно был, а не составлял, как и другие договоры Руси с Византией, позднейшую вставку, занесенную в начальную русскую летопись ее переписчиками, жившими едва ли не в XV ст.²⁷ К такому выводу Шлецер приходит на том основании, что летописные сообщения кажутся ему неправдоподобными, содержание договоров противоречит духу времени и условиям быта славян, византийские источники о них молчат и т.д., летопись, повествуя о договорах с греками, «лжет и ребячится... В договоре Святослава видно что-то похожее на грамоту, но и это только изодранный лоскут»²⁸.

Такая оценка А. Л. Шлецера, вызвавшая вообще сомнение в подлинности начальной русской летописи, была поддержана Каченовским, который объявил договоры с греками литературным подлогом, выдумкой частного лица, составленной по образцу византийских и ганзейских трактатов²⁹. Другим авторам удалось защитить летопись Нестора от подозрений в подлинности ее³⁰; но договоры с греками все же признавались позднейшей вставкой, как утверждал С. М. Соловьев, почему они и считались непригодными для выяснения условий русской жизни X ст. И В. И. Сергеевич в первом издании своих «Лекций и исследований по истории русского права» 1883 г. утверждал, что «договоры сами по себе ничего не прибавляют к тому, что мы знаем уже о наших древних обычаях на основании других, более чистых источников». Он находил, что в «договорах все сомнительно и спорно», что «ни один из них не известен византийским историкам», что «поход Олега на Константинополь описан в русской летописи баснословными красками»³¹.

Однако еще Круг и Погодин отстаивали идею подлинности договоров с Византией. «Никто с таким успехом не защищал нашего Нестора и в особенности находящихся в его летописи договоров, заключенных между русскими и греками, как Круг», — говорит о нем другой историк и переводчик его Эверс³². Погодин указывал на соответствие договоров сообщениям императора Константина Багрянородного и другим данным того времени. «Скажите, — говорит он по поводу одного места, — не разительное ли соответствие между всеми сими показаниями: импер. Константина, договорами, сохраненными у Нестора, и обычаем норманнским, засвиде-

²⁶ Лонгинов. Мирные договоры русских с греками, заключенные в Х веке. Историкоюридическое исследование // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. Т. XXV. 1904. С. 395.

²⁷ Шлецер. Нестор // Русские летописи. Перев. Языкова. 1816. Т. II. С. 693—694.

²⁸ Шлецер. Нестор. С. 751—759.

²⁹ Ученые Записки Московского Университета. 1853.

³⁰ Бутков. Оборона летописи русской несторовой от навета скептиков. 1840. Самоквасов. История русского права. Т. I. С. 21 сл.

³¹ Сергеевич. Лекции и исследования по истории русского права. 1883. С. 99 сл., 113 сл.

³² Kруг. Kritischer Versuch etc. 1810. S. 108. Русск. пер. С. 147.

тельствующим в их памятниках. Как подтверждается Нестор»³³. После подробного анализа договоров Погодин заключает: «Договоры подтверждают еще более подлинность летописи, и ими по справедливости может гордиться русская история»³⁴. Впоследствии на анализе их подлинности остановился Д. Я. Самоквасов, указавший на то, что молчание византийских летописцев о договорах объясняется отсутствием византийских летописей от первой половины X ст., в «Истории» же Льва Диакона, которая относится к тому же времени, о договоре Олега с греками упоминается ясно и неоднократно³⁵. Что же касается легендарности похода Олега на Константинополь, то баснословие его «коренится не в подлинном тексте его, а в его толковании Шлецером», получившаяся «бессмыслица принадлежит Шлецеру, а не русскому летописцу»³⁶.

Ввиду этого М. Ф. Владимирский-Буданов уже в 1888 г. признавал, что важнейшие основания для сомнения в подлинности договоров с греками отвергнуты и эти договоры «имеют чрезвычайную важность для истории русского права»³⁷. И другие исследователи (Соколовский, Димитриу, Лонгинов, Мулюкин, Мейчик) не возбуждали более сомнений в этом, и даже В. И. Сергеевич 20 лет спустя после того, как он совершенно отказался от договоров с Византией в качестве источников русского права, все же вынужден был признать, что в «настоящее время никто не отвергает достоверности договоров Олега, Игоря и Святослава». Хотя «история договоров с греками, — говорит он, — представляет многие неясности», но все же они являются весьма существенными в качестве «древнейших памятников наших международных сношений», которые «дают нам новое право, проникнутое греческими понятиями»³⁸.

Конечно, при анализе содержания договоров возникает немало споров и сомнений. Но этот упрек можно было бы сделать и большинству других исторических памятников. Наиболее спорным является вопрос о взаимоотношении между договорами. Их насчитывается четыре, из которых текст первого — договор Олега 907 г. — не сохранился, а лишь изложен летописцем, тогда как текст остальных трех договоров — Олега 911 г., Игоря 945 г. и Святослава 971 г. — помещен в летописи, хотя и передан, по-видимому, в редакции несколько попорченной и неполной. Сомнения возникали по поводу первого договора 907 г. В то время как Срезневский, Бестужев-Рюмин, Сокольский, Пахман, Мейчик признают его вполне самостоятельным договором, Эверс считает его лишь предварительным соглашением³⁹.

Г. М. Барац усматривает в нем документ, сочиненный на основании последующего договора 945 г.⁴⁰, а А. А. Шахматов полагает, что он взят из состава договора 911 г. и перенесен

³³ Погодин. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. III. 1846. С. 254. Прим. 595.

³⁴ Погодин. О договорах русских князей Олега, Игоря, Святослава с греками // Русский исторический сборник. Т. I. Кн. 4 (1838). С. 98—137. Кн. 3. С. 118—119.

³⁵ «По тексту греческой истории император Иоанн Цимисхий в переговорах со скифом Святославом ссылался на давний договор скифов с греками и на договор, нарушенный Игорем, отцом Святослава. В условиях Святослава, предложенных Цимисхию, по тексту истории Льва Диакона Калойского также упоминается о древнем законе, обязавшем греков признавать друзьями русских купцов в Константинополе, которому соответствует содержание договора 945 г.» (Речь проф. Самоквасова на торжественном акте Варшавского Университета 30 авг. 1886 г. // Известия Варшавского Университета. № 6. 1886. С. 3, 9).

³⁶ Баснословным кажется, например, Шлецеру «победоносное движение Олега к Царь-граду на кораблях, поставленных на колеса и снабженных парусами». На самом деле это была подвижная крепость, древнерусский «обозный град» или «гуляй-город», материалом для которого послужили лодки, поставленные на колеса. Или Шлецер считает невероятным сообщение о парусах, сделанных по приказанию Олега после победоносного похода на Византию, парусах «паволочиты» и «кропинных», которые он толкует в смысле парусов из золотой парчи и крапивы. Но это были паруса из шелковой ткани, которыми, как известно из истории, победители многократно оснащали свои суда, и паруса из кропины (а не крапивы), т.е. из бумажной или ситцевой материи» (Речь проф. Самоквасова на торжественном акте Варшавского Университета 30 авг. 1886 г. С. 4—7. Самоквасов. Свидетельства современных источников о военных и договорных отношениях славяно-русов к грекам // Известия Варшавского Университета. № 6. 1886.

³⁷ Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. 2-е изд. 1888. С. 88.

³⁸ Сергеевич. Лекции и исследования по древней истории русского права. 3-е изд. 1903. С. 604, 616, 653.

³⁹ Эверс. Древнейшее русское право. С. 135.

⁴⁰ Баран. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. 1910. С. I сл.

летописцем в 907 г.⁴¹ И по мнению В. И. Сергеевича, ограничительные статьи, которые касаются торговли русских с Византией, не могли входить в договор 907 г., когда русские полчища стояли еще у ворот Константинополя, – греки думали тогда лишь о том, как бы поскорей убрать Олега с его воинством со своей территории, но не могли вести никаких переговоров об условиях торговли. Но в то же время он не соглашался с тем, чтобы договор 907 г. имел предварительный характер в смысле установления общих начал для последующего окончательного мира, ибо это было бы слишком искусственно для первобытных условий того времени⁴².

Как бы то ни было, вопрос этот при изучении истории торговли имеет лишь второстепенное значение. Для нас важно признание подлинности договоров, заключенных русскими князьями с Византией, того обстоятельства, что содержание их дает нам действительно сведения о жизни X ст., а не сочинено впоследствии. Это позволяет рассматривать договоры в качестве источника, характеризующего торговлю Руси с Византией в древнейшую эпоху. Но заимствованы ли отдельные части договора 907 г. из последующих договоров того же X ст. и являлся ли договор 907 г. действительно таковым, а не проектом договора или договором, устанавливающим лишь общие начала – это мало меняет дело. Во всяком случае, он указывает на то, как производилась торговля Руси с греками в рассматриваемую эпоху.

Договоры эти, как видно из летописи, являлись результатом предварительных военных походов русских князей на Византию. Еще А. Н. Егунов обращал внимание на то, что норманны, являвшиеся бичом для стран Запада («Освободи нас, Боже, от ужасов норманнов», – молились они: *a furore Normannorum liberia nos, Domine*), попав в Восточную Европу, нашли здесь мало соблазнительного вследствие бедности населявших ее племен, но «зато она представляла другую и чуть ли не более важную выгоду: через нее пролегали живые, ближайшие пути на Восток и, что еще важнее, в Грецию, где уже в те времена было чем поживиться, было кого грабить»⁴³. Действительно, мы видим, как грабительские набеги норманнов на Францию, Британские острова и другие страны Запада все более усиливаются: в 845 г. Карл Плешивый вынужден был заплатить им 7 тыс. фунтов серебра, спустя 9 лет они потребовали от него уже 685 фунтов золота и 3250 фунтов серебра; в 988 г. Этельред отделался от них 9 тыс. ливров, а через 14 лет должен был уже заплатить 24 тыс. фунтов серебра, чтобы только избавить свою страну от разорения⁴⁴. Не иначе те же норманны, или варяги, действовали, укрепившись на Днепре (если только русы действительно были скандинавами, что, по-видимому, в настоящее время считается наиболее вероятным⁴⁵) и предпринимая оттуда походы на Византию – «беспрерывный ряд набегов на Константинополь, два столетия тяготевших над столицей Византии и вполне обнаруживших норманнский характер тех, которыми совершались они».

Уже спустя 20 лет после того, как в Киеве основалось новое русское государство, оно совершает поход на Царьград. На основании найденной венецианской хроники, двух речей патриарха Фотия по поводу русского нашествия и некоторых других свидетельств выяснилось, что поход был для русских удачен, и, заключив мир под стенами Царь-града, они удалились от города⁴⁶. И Олег, овладев Киевом и заставив древлян, северян и радимичей платить ему дань, стал помышлять об исполнении заветной мысли – добыть золота и паволок греческих. Летописец подробно описывает, как «иде Олег на греки, Игоря оставив в Киеве», что он там учинял и вытворял. «Много убийство сотвори около града Греком, и разбиша много палаты, пожогша церкви; а их же имаху пленники, овех посекаху, другие же мучаху, иные же рас-

⁴¹ *Шахматов*. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Записки нефилологического общества. Т. VIII. 1914.

⁴² *Сергеевич*. Лекции и исследования по древней истории русского права. 1903. С. 617 сл.

⁴³ *Егунов*. Торговля древнейшей Руси // Современник. 1848. Кн. X. С. 94–95.

⁴⁴ Записки Одесского Общества Истории и Древностей. I. 176 сл.

⁴⁵ См. выше.

⁴⁶ *Лопарев*. // Византийский Временник. 1895. Ч. II. С. 581 сл. *Шахматов*. Древнейшие судьбы русского племени. С. 60.

треляху, а другие в море вметаху, и на многа зла творяху Русь Греком». В результате греки предложили ему дань – «чего хоцещи дамы ти», и Олег вернулся в Киев с богатой добычей, «неся злато, и паволоки, и овощи, и вина и всякое узорочье». И на этом основании его прозвали вещим: «Бяху бо людие погани и невеголоси», – поясняет летописец⁴⁷. При этом Олег заключил в 907 г. соглашение с греками, касавшееся торговли Руси с Византией, а затем новый договор в 911 г. Эти договоры по своему содержанию и сущности свидетельствовали о том, что русские имели в виду посещать Византию и с мирными намерениями, хотя, надо сказать, из предыдущего (приведенного нами) изложения летописи такого намерения вовсе не видно. Все внимание греков при заключении договоров с Олегом «сосредоточено на том, как бы обуздать воинскую наглость Руси, как бы заставить ее приходить в Грецию с куплей и с миром»⁴⁸. «Греческое правительство должно было позаботиться об обуздании приезжавшей в Царьград Руси»⁴⁹. Однако, несмотря на то что мир с Византией был установлен, как только Олега заменил Игорь, договор потерял всякое значение, и Игорь со своей стороны пошел «на Греки» и стал творить те же неистовства, которые производил до него Олег: «Гвозди железныи посреди главы вобивахуть им, много же святых церквий огневи предаша, монастыре и села пожьгоша» и при этом, конечно, «именья немало от отбою страну взяша»⁵⁰. Греческий огонь заставил его вскоре возвратиться «восвояси». Но Игорь не унывал, а «пришед нача совокупляти вое многи» и снова «пойде на Греки, в лодьях и на коних, хотя мьстити себе». Греки, узнав об этом, начали просить, «глаголя: не ходи, но возьми дань юже имал Олег придам и еще к той дани». Игорь стал советоваться с дружиной. Последняя решила – неизвестно еще, «кто весть, кто одолеет, мы ли, оне ли»; к чему нам воевать, раз мы можем «не бившиися имати злато, и серебро, и паволоки». Игорь послушался дружины, взял у греков злато и паволоки и отправился домой⁵¹. Цель ведь была достигнута, дань получена. В следующем 945 г. был заключен новый мирный договор с греками.

То же повторилось при Святославе. Он заявил грекам: «Хочю на вы ити и взяти град вашь». Они предложили ему не ходить, а взять дань, но не дали, и Святослав стал «грады разбивать». После этого он получил дань, почти дойдя до Царьграда. «Взя же и дары многы и возратися в Переяславень с похвалою великою». Но, желая иметь «мир и совершену любовь со всякимъ великимъ царемъ Гречскимъ», и он заключил договор – уже четвертый – с Византией 971 г.⁵²

Любопытны и последующие факты, сообщаемые летописью. Когда Владимир Святой отказал варягам в выкупе, они потребовали от него, чтобы он по крайней мере показал им «путь в Греки», где бы они, очевидно, могли вознаградить себя⁵³. Тот же Владимир стал в 988 г. добиваться руки греческой царевны Анны. Она на это ответила: «Луче бы ми zde умрети». Но братья стали ей объяснять необходимость согласиться: «Гречскую землю избавишь от люте рати; видиши ли колько зла створиша Русь Греком и ныне аще не идоши, тоже имут створити нам»⁵⁴. Греки, видно, весьма боялись Руси, ожидая от нее всякого зла, а Русь смотрела на Грецию как на источник легкой наживы.

«Известно, – говорит Егунов, – что в истории всех почти торговых народов, от древних арабов до нынешних англичан включительно, торговля всегда прокладывала себе пути оружием, войной; но известно также, что недолго продолжалась такая дружба между торговлей

⁴⁷ Летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. Археографической Комиссии. 1872. С. 29—31.

⁴⁸ Егунов. Торговля древнейшей Руси. С. 110.

⁴⁹ Там же. С. 110.

⁵⁰ Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 43.

⁵¹ Там же. С. 45.

⁵² Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 68—71.

⁵³ Там же. С. 77.

⁵⁴ Там же. С. 107—108.

и войной; скоро первая, в свою очередь, объявляла войну последней... Далеко не так было у нас». Единственной целью всех походов на Грецию являлась дань. «Имете ли вы по дань» – вот общее и единственное требование всех наших князей. Удовлетворялось ли это их требование в самой Греции или на половине пути – все равно: в том и в другом случае цель была достигнута и князья возвращались домой. Что же касается торговли, то, по мнению того же автора, «торговля в предприимчивых походах наших предков не только занимала далеко не первое место, но даже именно она служила для них одним из средств скрыть свою удаль. И вот важнейшая причина, почему, с одной стороны, Греция так нелицемерно жаждет мира в сношениях с Русью, с другой, почему наши князья так охотно и так самонадеянно сулят мир Греции, прикрывая его разными формами... В самом деле, основная мысль договоров не имеет ни малейшего соотношения с торговлей: у Олега “греци почаша мира просити”, а не торговли; Игорь точно так же обновляет “ветхий мир”; наконец, и Святослав говорит; “хочю имети любовь с царем”, а не торговлю. О последней не заикнулась ни одна из договаривающихся сторон. Греция ищет мира, Русь хочет Дани»⁵⁵.

Однако то обстоятельство, что в договорах в качестве цели заключения их указан мир, а не торговля, еще ровно ничего не доказывает. Мир являлся необходимым условием торговли, он обозначает нечто более общее, из чего затем вытекала возможность достижения и более специальных целей, в том числе возможности торговать. Грекам нужно было обезопасить себя от нападений Руси, заменить насилия их мирным обменом. Они готовы были давать Руси то же золото, те же паволоки и другие предметы, но без того, чтобы Русь предварительно жгла и грабила страну, мучила и «в море метала» жителей («не погубляй града»), и с тем, чтобы князья с своей стороны давали в обмен за получаемые от греков товары свои – невольников, воск и меха. Ради этого они и заключали договоры. В последних мы находим ряд статей, касающихся именно торговли, так что отрицать эту цель нет основания.

Больше всего о торговле говорится именно в первом договоре 907 г., где греки ставят следующие условия русским, приезжающим в Царь-град: «Аще придуть Русь бес купли, да не взимают месячины; да запретит князь словом своим приходящим Руси zde, да не творять пакости в селех в стране нашей; приходяще Русь да витают у святого Мамы и послеть царство наше и да испишють имена их и паки ис Чернигова и ис Переаславля и прочии гради; и да входить в град одними вороты со царевым мужем, без оружия, мужь 50 и да творят куплю, якоже им надобе, не платиче мыта ни в чем же»⁵⁶.

Здесь находим прежде всего общее правило, чтобы Русь, являясь в Византию, «не творила пакости», не занималась вместо торговли грабежом и насилиями. Мало того, в целях предосторожности приезжающим в Царьград купцам предоставляется жить только в предместьях у монастыря св. Мамы, но отнюдь не в городе; они предварительно переписываются греческими властями («да испишють имена их»); они могут входить в город только через одни определенные ворота, партиями не более 50 человек, без оружия и в сопровождении царева мужа, т.е. греческих властей. Все это устанавливается «да не творять пакости в стране нашей». «Греки побаивались Руси, – поясняет В. О. Ключевский, – даже приходившей с законным видом»⁵⁷.

Когда А. Н. Егунов заявляет, что «все эти предосторожности, очевидно, не могли бы иметь места, если бы договор этот был торговый договор»⁵⁸, то он этим доказывает лишь незнакомство с характером торговли в ранние эпохи. Такие меры, как обязанность иноземных купцов селиться за городом или по другой стороне реки, протекающей через город, на острове

⁵⁵ Егунов. Торговля древнейшей Руси. С. 102—104.

⁵⁶ Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 31.

⁵⁷ Ключевский. Курс русской истории. Т. I. С. 188.

⁵⁸ Егунов. Торговля древнейшей Руси. С. 105.

или во всяком случае подальше от прочего населения в предместьях, находим везде и всюду на Западе в средневековую эпоху⁵⁹. Мы видели это в хазарской столице Итиле, увидим в отношении немецких поселений на Руси. Первоначально новгородцы даже, по-видимому, не впускали немцев в город, а торговля происходила в Гостинополе, которое было, как можно думать, островом на Волхове. В Пскове немецкое торговое подворье находилось в предместье на левом берегу реки Великой, и немцам запрещалось переходить на другой берег реки в город⁶⁰. Точно так же требование приходить в город без оружия, ходить по городу не иначе как в сопровождении местных властей устанавливается сплошь и рядом в отношении иностранцев – последнее нередко и в видах защиты их самих от нападений местного населения. Еще ранее по приказу греческого императора франки толпою не смели посещать город, но могли входить по 5 или 6 человек⁶¹. Самое пребывание русских купцов имело лишь временный характер – они получают месячное содержание, причем в требованиях, предъявляемых Олегом, говорится о том, что эта «месячина» в виде хлеба, вина, мяса, рыбы и овощей должна им выдаваться на 6 месяцев⁶². Очевидно, такой порядок выдачи припасов на полгода установился, он сохранен и в договоре Игоря 945 г. Здесь говорится, что русские не могут «зимовать у святого Мамы», как и «в устье Днепра, Белобережи, ни у святого Ельферья; но егда придет осень, да идути в дома своя в Русь» (ст. 2. 10)^{63, 64}. И это соответствует рассматриваемой эпохе – речь идет о временных поселениях иностранных купцов, караваны которых появляются в определенные времена года и по распродаже товаров возвращаются обратно⁶⁵, так что по этому договору 945 г. Руси не дозволяется зимовать не только в Царьграде, но и в весьма отдаленном от него устье Днепра – они обязательно должны отправляться домой. Так велик был страх греков перед насилиями со стороны русов, они желали иметь их возможно дальше от Черного моря, где купцы легко превращались в пиратов.

В правах русских, оговариваемых Олегом, прибавлено также, «да творять им мовь, елико хотять». Имеются в виду баня и пользование колодцами в Царьграде. Баня являлась исконным русским обычаем. Ольга «веле деревлянам мовь сотворити». Одинаковое с русскими разрешение пользоваться пресной водой для мытья получили венецианцы и генуэзцы по договорам с греками. По возобновленному договору с Исааком Ангелом 1192 г. генуэзцам разрешалось набирать воду из цистерн для домашнего употребления, но с тем, чтобы они не засаривали и не загрязняли их купаньем скота⁶⁶.

Приведенные выше постановления Олега 907 г., устанавливающие условия пребывания русских в Царьграде и предохраняющие греков от насилий, повторяются и в договоре Игоря 945 г. (ст. 2)⁶⁷. Во всяком случае наличность приведенных постановлений в договоре 945 г.

⁵⁹ Кулишер. Лекции по истории экономического быта Западной Европы. Изд. 6-е. Т. I. 1922. С. 194.

⁶⁰ Buck. Der deutsche Handel in Nowgorod bis zur Mitte des XIV Jahrh. 1895. S. 11. Winckler. Die deutsche Hansa in Russland. S. 11 ff.

⁶¹ Лонгинов. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке. Историкоюридическое исследование. С. 453.

⁶² Насколько важна была упомянутая льгота (выдачи припасов), видно из того, что в 941 г. руссы вынуждены были возвратиться из Греции за недостатком продовольствия (Лонгинов. Указ. соч. С. 471).

⁶³ Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 50. Договор напечатан в: Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права. Т. I.

⁶⁴ В рассказе императора Константина о путешествиях Руси в Царьград упоминаются указанный здесь остров Св. Еферия в устье Днепра и река Белая (см.: Погодин. О договорах русских князей Олега, Игоря, Святослава с греками. С. 114). По Лонгинову (с. 471), Белобережье есть Белобережань, нынешний остров Березань.

⁶⁵ Мейчик. Русско-византийские договоры // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1915. Октябрь. С. 302.

⁶⁶ Лонгинов. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X в. Историко-юридическое исследование. С. 452.

⁶⁷ Это и навело некоторых авторов на мысль, что весь договор 907 г. заимствован из этой 2-й статьи договора 945 г. последующим переписчиком летописи и вставлен им под 907 годом. Напротив, Владимирский-Буданов утверждает, что эта статья есть не что иное, как повторение договора 907 года (Хрестоматия по истории русского права. Т. I. С. 12).

существенна для нас, ибо никаких сомнений в том, что последний договор во всяком случае является подлинным, не может быть.

Впрочем, отчасти упомянутая 2-я статья договора 945 г. отклоняется от договора 907 г. Исключено упоминание о беспошлинной торговле русских; из фразы «да творят куплю якоже им надобе, не платяче мыта ни в чем же» последние слова «не платяче» и т.д. отпали. Купленные паволоки «да показываеьт цареву мужю и то е запечатаеьт и дасть им». Обязанность предъявлять купленные товары цареву мужу наводит на мысль о том, что это делалось не только для наклеивания им клейма на товары, но и для взимания сбора с купленных товаров. «Царев муж» фигурировал в качестве своего рода посредника между местным населением и Русью (своего рода маклера) для устранения непосредственных сношений между ними, как это было в рассматриваемую эпоху и в Западной Европе и на Востоке. Но задачей такого посредника являлось и следить за уплатой иностранцами торговых сборов. Наконец, «царев муж» являлся, по-видимому, и судьей в столкновениях между русскими и греками, который чинит управу при всякой совершенной кривде («кто от руси или от грек створить криво, да оправляет то»⁶⁸).

В ст. 2 договора 945 г. установлено еще новое ограничение для русских купцов: они могут «купити паволок лишь по 50 золотник». Такое стеснение в отношении приобретения паволок (не более чем на 50 золотых на каждого) находим в Византии и в отношении купцов других национальностей (например, в договоре с Болгарией 715 г.)⁶⁹.

Прибавлена и дальнейшая предосторожность со стороны греков – приходившие в Царьград русские послы и гости обязаны иметь при себе грамоты от князя и бояр с указанием числа отправленных судов, в доказательство того, что «с миром приходят». «Требование греков в договоре с Игорем, чтобы все мореходы российские, – говорит Карамзин по этому поводу, – предъявляли от своего князя письменное свидетельство о мирном их намерении, имело без сомнения важную причину: ту, кажется, что некоторые россияне под видом купечества выезжали грабить на Черное море, а после вместе с другими приходили свободно торговать в Царьград. Надобно было отличить купцов от разбойников»⁷⁰. Такая выдача грамот купцам вообще практиковалась в те времена: по договору греков с дунайскими болгарами 715 г. в обеих странах купцов надлежало снабжать грамотами и печатями, в противном случае товары отбираются; в договоре Владимира Святого с волжскими болгарами 1006 г. русским и болгарам предоставлено торговать по Волге и Оке с выдачей и тем и другим печатей. И впоследствии представление таких письменных свидетельств, выданных на родине купца, было обязательно для приезжих иностранцев в качестве удостоверений личности⁷¹.

Корабли посылаются в Византию, – согласно этой статьи, – князем и боярами. Они отправляют послов и гостей, т.е. своих собственных приказчиков и вольных гостей⁷². «А великий князь русский и бояре его да посылают в греки к великим царем гречьским корабли, елико хотять, со слы (с послами) и гостьми якоже им установлено есть» (т.е. как установлено, по толкованию Владимирского-Буданова, в договоре 907 г.). «Дань, которую собирал киевский князь как правитель, – поясняет В. О. Ключевский, – составляла в то же время и материал его торговых оборотов: став государем, как конинг, он, как варяг, не переставал еще быть вооруженным купцом»⁷³.

Спорным является вопрос относительно толкования ст. 8 договора 911 г., отменяющей береговое право. Последнее, как указывает Д. М. Мейчик на основании источников, прак-

⁶⁸ Сергеевич. Лекции и исследования по древней истории русского права. С. 637.

⁶⁹ Лонгинов. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке. Историко-юридическое исследование. С. 472.

⁷⁰ Карамзин. История государства Российского. Т. I. С. 245.

⁷¹ Эверс. Древне-русское право, с. 220. Погодин. Т. I. Кн. 4. С. 115—116. Лонгинов. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке. Историко-юридическое исследование. С. 464.

⁷² Ключевский. Курс русской истории. Т. I. С. 185.

⁷³ Там же.

тиковалось в Византии еще в XII ст., причем суда, выбрасываемые бурей, подвергались разграблению не только тогда, когда они принадлежали иностранцам, но, по-видимому, и будучи собственностью туземцев. Правительство пыталось бороться с «безумным обычаем», согласно которому прибрежные жители не только не оказывали никакой помощи кораблю, застигнутому бурей, а, напротив, хуже всякого урагана разносили и расхищали все, чего не унесло море. В договорах, заключенных Византией с различными государствами, корабельщикам, потерпевшим крушение, предоставляется возможность спасать и продавать свой груз, местные же жители должны оказывать им помощь и получают за это вознаграждение⁷⁴. И в ст. 8 договора 911 г. говорится о таком случае крушения греческой ладьи, и если при этом случается кто-либо из русских, то он обязан спасать (или охранять) ладью с грузом и провожать ее в землю христианскую (греческую) до безопасного места. Однако неясно, где выброшен корабль и что следует понимать под «чужой» землей («аще вывертена ладья будет ветром великом на землю чюжую»). А. В. Лонгинов полагает, что чужая земля есть для греков земля русская, для русских – земля греческая, так что обе стороны взаимно гарантируют друг другу помощь при кораблекрушении, тогда как он считает невозможным подводить под чужую землю страну третьего народа, ссылаясь при этом на другие договоры, – нигде место разбития судна не переносится за пределы дружественной державы⁷⁵. В этом смысле понимает эту статью и Г. М. Барац, переводя дальнейшую фразу «аще ли ключится тако же проказа лодьи Рустей, да проводим ю в Рускую землю» словами: «Равным образом такую же помощь должны оказывать и греки, если подобное несчастье случится русскому кораблю близ земли греческой»⁷⁶. Напротив, А. С. Мулюкин утверждает, что чужая земля есть именно третья страна, а не греческая и не русская. Говорится об обязанностях русских, оказавшихся на месте крушения ладьи, отослать ее в Грецию, а также о том, что крушение произошло «близ земли Грецькы», – значит, это не греческая земля. Но это и не земля русская, на что указывает случайное нахождение на месте крушения ладьи русских и налагаемая на них обязанность проводить ладью «в Рускую землю»⁷⁷. Наконец, Д. М. Мейчик полагает, что статья имеет односторонний характер, устанавливая обязанность только сопровождения русскими греческой ладьи, подвергшейся крушению, но не предоставляя тех же прав русским. Он указывает на то, что хотя в статье и упоминается о русской ладье, но последняя могла означать ладью греческую, отправляющуюся в Русь, подобно тому как впоследствии на Руси называли гречниками русских купцов, торговавших в Греции^{78, 79}.

Статья эта во всяком случае любопытна в том смысле, что свидетельствует о готовности не только Византии, но и Руси уже в X ст. отказаться от берегового права и оказывать при кораблекрушении всякое содействие к спасению товаров и к возвращению их владельцам. Но утверждать, что она не имела действия на Руси, как это делает А. С. Мулюкин, после изложенного было бы трудно. Есть основания предполагать, что она именно относилась к грекам, приехавшим на Русь, и в этом отношении, как справедливо указывает В. И. Сергеевич,

⁷⁴ Мейчик. // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1916. Ноябрь. С. 71 сл.

⁷⁵ Лонгинов. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке. Историкоюридическое исследование. С. 545—546.

⁷⁶ Барац. С. 131.

⁷⁷ Мулюкин. К вопросу о договорах русских с греками // Журнал Министерства Юстиции. 1906. Сентябрь. С. 101.

⁷⁸ Мейчик. // Журнал Министерства Народного Просвещения. Ноябрь. С. 64—65.

⁷⁹ Столь же спорно и окончание статьи. В тексте говорится: «аще ли ключится тако же проказа лодьи Рустей, да проводим ю в Рускую землю и продають рухло той лодьи и аще что может продати от лодьи, воволчим им мы Русь, да егда ходим в Греки или с куплею или в солбу к цареви вашему, да пустим я чстью проданное рухло лодьи их». Соловьев переводит его так: если беда приключится близ земли русской, то корабль проводят в последнюю, груз продается и вырученное Русь привезет в Царьград, когда придет туда для торговли или посольством; следовательно, речь идет о русских, продающих груз и доставляющих вырученную сумму. Напротив, по Д. М. Мейчику (с. 68—69), греки да продают груз этой ладьи на Руси, если что может быть продано, а с ладьи стащим его (груз) мы, Русь. Когда же Русь отправится в Грецию с посольством или с товарами, отпустим греческих купцов с миром и с вырученными ими деньгами.

является единственной распространяющей действие договора 911 г. за пределы греческой территории. «Статьи частного международного права, – продолжает В. И. Сергеевич, – предназначались для действия только в пределах греческой территории и притом в столкновениях русских с греками, а не русских между собой; до споров русских с русскими грекам, конечно, не было никакого дела». На греках лежала трудная задача. «Надо было обеспечить спокойствие Константинополя и его окрестностей и в то же время удовлетворить русских, обычаи которых именно и угрожали спокойствию и безопасности греческих подданных». С одной стороны, греки сохраняли русские обычаи, поскольку они были терпимы, и даже ссылались на русский закон, «чтобы северные варвары видели, что в договорах содержится их право». А с другой стороны, поскольку русские обычаи противоречили условиям культурной жизни, «их надо было искусно обойти и заменить началами греческого права». Во всяком случае хотя «в самых договорах нет прямого постановления, в котором бы определялось место их применения, но из взаимных отношений договаривающихся сторон и из некоторых выражений договоров надо заключить, что составители их, определяя частное право греков и руси, имели в виду только греков и русь, находящихся в пределах греческой территории. Русь часто и в значительном числе приезжала в Константинополь, оставалась там подолгу и вела себя не совершенно спокойно... Но если греки и приезжали в Русь, то весьма редко и в небольшом числе. Как наши, так и иностранные источники говорят только о поездках греческих послов в Русь; о пребывании же греков в Руси по своим делам указаний не встречается»⁸⁰.

На этой точке зрения стоят и другие авторы. «Здравый смысл, – говорит А. Димитриу, – требует того, чтобы та сторона возбуждала вопрос о сделке, которая наиболее в ней нуждается. Что касается договора 911 г., то заинтересованной стороной, несомненно, была Византия, а не Русь, для которой в то время даже выгоднее было быть свободной от всяких уз и препятствий в своих стремлениях к добыче»⁸¹. «Русь ездила в Грецию, но не греки в Русь, – подчеркивает А. С. Мулюкин. В договорах нигде нет указаний, чтобы какое-нибудь из их постановлений имело применение в России, что при многочисленности указаний на место действия статей и в Греции, и в Корсунской стране, и «на коем-либо месте», и в устье Днепра и в земле чужой, – словом, где угодно, только не на Руси, – более, чем странно». В самом деле, какой интерес для греков в смысле торговли могла представлять бедная Русь того времени? «Сам знаменитый путь из Варяг в Греки... назывался путем в Грецию, а не из Греции; им пользовались не греческие купцы, а бесшабашная вольница, которая столько же намеревалась торговать, сколько и грабить. Для греков не было надобности пускаться в опасные приключения торговли по этому пути, когда все, что им было нужно с севера, само являлось к воротам Царьграда и столь настойчиво просило о торговле с ними, т.е. о размене привезенного на золото и паволоки, что грекам приходилось обуздывать наглость являвшихся оружием и договорами. Такое именно значение имели договоры Олега и Игоря»⁸².

Как мы видим, наука, сделавшая большие успехи с тех пор, как писал А. П. Егунов в «Современнике», все же немногим изменила свой взгляд на сношения Руси с Византией в наиболее раннюю эпоху. Если Егунов в 1848 г. утверждал, что Русь имела в виду не торговый обмен, а добычу, то и новейшие исследователи считают нужным подчеркнуть, что Русь «столько же намеревалась торговать, сколько и грабить» (Мулюкин), что она, «прибывая в Византию, обнаруживала стремление к добыче» (Димитриу), что грекам необходимо было «позаботиться об обуздании приезжавшей в Царьград Руси» (Сергеевич).

Характер путешествий русов в Византию можно усмотреть из описаний византийского императора Константина Багрянородного, жившего в X ст. Подвластные руссам славянские

⁸⁰ Сергеевич. Лекции и исследования по древней истории русского права. С. 629—633.

⁸¹ Димитриу. К вопросу о договорах русских с греками // Византийский Временник. 1895. С. 542.

⁸² Мулюкин. // Журнал Министерства Юстиции. С. 103—104.

племена вырубают зимою в горах лес и строят из него ладьи, а когда растает лед, отводят их в близлежащие озера, сплавляют до Киева и здесь вытаскивают на берег и продают руссам. Русы покупают одни остовы судов, весла же, уключины и другие снасти берут сами из старых судов. Снарядив таким образом суда, русы спускаются по Днепру до Витичева, платящего им дань, и, прождав здесь два-три дня, пока соберутся однодеревки (лодки) из отдаленных местностей, отправляются в путь. Первый днепровский порог Ессуни, к которому они подходят, очень узок и имеет высокие и острые камни, которые издали кажутся островами; русы не решались плыть прямо через порог, а останавливались на некотором расстоянии от него, выходили на берег, оставив груз на судах, а затем, ощупав дно босыми ногами, с великой осторожностью проводили суда через это узкое место между торчащими камнями и берегом. Таким же образом они проходили второй и третий порог на страже из-за печенегов, вытаскивали из лодок груз и высаживали скованных невольников, которых вели на расстоянии 6 тыс. шагов, пока не миновали порога. Прочие же тянули суда волоком или несли их на плечах, а за порогом спускали их опять в воду, снова погружали и плыли далее. Минувя остальные пороги, русы подходят к Карийскому перевозу, куда являются печенеги для нападения на них. Затем подъезжают к острову св. Григория, после чего им не приходится опасаться печенегов уже до самой реки Селины. В четыре дня достигают устья Днепра, где находится остров св. Эферия, здесь отдыхают два-три дня и в это время снабжают суда парусами, мачтами, веслами, которые привозят с собой, а затем продолжают путь к реке Селине, рукаву Дуная. Но тут их снова со всех сторон окружают печенеги, и если, как нередко бывает, вода прибьет однодеревку к берегу, то выходят из нее, чтобы общими силами вступить в борьбу с печенегами. Переплыв Селину, русы входят в устье Дуная, из Дуная проходят через Конопу, а затем Констанцию к рекам Варне и Дицине, которые все текут по стране болгарской. Оттуда они направляются в область Месемврийскую и таким путем совершают свое трудное, исполненное опасностей и препятствий путешествие⁸³.

К этому император Константин прибавляет, что зимою, с наступлением ноября, князья русов со всем народом покидают Киев и отправляются в другие города или в земли древлян, дреговичей, кривичей, северян и прочих славян, им подвластных. Здесь проводят они зиму, а когда вскрыется Днепр, возвращаются обратно в Киев и, собрав свои суда и надлежащим образом снарядив их, ибо их могут тревожить печенеги, совершают указанный путь в Грецию.

Как бы мы ни относились скептически к торговле русов с Византией, но нельзя отрицать того, что независимо от приведенных выше статей договоров, трактующих о торговле, и в этом путешествии, описанном Константином, имеется не что иное, как плавание с торговой целью. Тот груз, который русы у первого порога оставляли на судах и который у четвертого порога нагружали (вещи – *res*), состоял не из одних только припасов на время пути и снастей, которыми они снаряжали суда на острове Эферия⁸⁴, но, несомненно, также из товаров, везомых в Византию. Таким же товаром являлись и упоминаемые Константином закованные невольники. С какой стати их везти в таком виде, если не для продажи? И вообще из всего описания путешествия складывается впечатление, что оно производилось с торговой целью; на военный набег оно совершенно не походит. Другое дело, что главным товаром, доставляемым в Византию, являлись, по-видимому, эти невольники, а остальные товары были результатом тех зимних путешествий князей по покоренным землям, которые совершались ради получения дани (полюдия).

Читая этот рассказ императора, говорит В. О. Ключевский, легко понять, какими товарами грузила Русь свои торговые караваны лодок, сплавлявшихся летом к Царьграду: это была дань натурой, собранная князем и его дружиной во время зимнего объезда, произведения лес-

⁸³ Memor. Popul. Stritter. Т. II. Р. 975 ff. § 34 ff.

⁸⁴ Так это объясняет Егунов (Современник. С. 90 сл).

ных промыслов, меха, мед, воск. К этим товарам присоединялась челядь, добыча завоевательной дружины⁸⁵.

Киевский князь «делился со своей дружиной, которая служила ему орудием управления, составляла правительственный класс. Этот класс действовал как главный рычаг в том и в другом обороте, и политическом, и экономическом: зимою он правил, ходил по людям, побирался, а летом торговал тем, что собирал в продолжение зимы... К торговому каравану княжескому и боярскому примыкали лодки и простых купцов, чтобы под прикрытием княжеского конвоя дойти до Царьграда».

Вообще все путешествие, как заметил еще Погодин, было столь же торговым, как и военным, ибо каждый раз приходилось отбиваться от печенегов; неудивительно, что «торговые караваны имели характер военный»⁸⁶. Но они были военными не только ввиду необходимости отражать нападения, но и потому, что караван и сам производил нападения – переход от обороны к наступлению и был весьма прост и легок. Это вполне соответствовало характеру деятельности норманнов.

«Северные викинги занимались торговлей и разбоем одновременно, иногда отправляясь для грабежа, иногда для обмена, и нередко торговые путешествия у них соединялись с военными плаваниями. В таком случае они заключали перемирие с прибрежными жителями тех местностей, куда они пристали, чтобы торговать с ними, обменивая одни товары на другие. Но как только обмен заканчивался, назначенный для него срок приходил к концу, мир снова прекращался, и снова возобновлялись военные действия»⁸⁷.

Так поступали, по-видимому, и русы – те же норманны. И по поводу русов император Константин говорит, что они приходят в Царьград *sive belli sive commercii causa* – ради войны или ради торговли⁸⁸.

⁸⁵ *Ключевский*. Курс русской истории. Т. I. С. 185.

⁸⁶ *Погодин*. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. III. С. 252—253.

⁸⁷ *Стрингольм*. *Eigills saga*. I. *Погодин*. Указ соч. С. 254.

⁸⁸ *Memor. Popul. Stritter*. Т. II. P. 981 § 34.

Глава 3

Общий характер торговли до XV ст.; Критика различных взглядов

Исходную точку в процессе возникновения и развития торговли составляет немая торговля, встречающаяся в качестве наиболее ранней формы торговли у всех народов. О немой торговле на Руси у нас нет никаких сведений, но о таком способе обмена у различных племен, населявших современную Россию, упоминается в источниках. Под годом 1096 встречаем в летописи рассказ Гуря Роговича о торговле новгородцев с угрой: «Угра же суть людие язык нем». Там «дивно находим мы чудо ново, его же оконце мало, и туда молвят, не разумети языку их, но кажут железо и помагают рукою, просяще железо и аще кто даст им железо или нож или секиру, и они даю скорою противу»⁸⁹. Суть, конечно, заключается не в незнании языка, а во взаимном недоверии, в нежелании входить в непосредственные сношения с иноплеменниками, к которым относятся как к врагам. Потому-то «язык нем». Об однородной форме торговли между булгарами и племенем вису рассказывает Косвини: «Булгары доставляют туда товары, всякий кладет их в определенное место, делает на них знак и оставляет. Потом возвращается и находит нужный ему товар, положенный рядом. Если удовлетворен им, то берет его и оставляет за него свой товар. Если нет, то забирает свой обратно. Покупатель и продавец не видят друг друга»⁹⁰. Здесь уже правильное описание немой торговли безо всяких преград и чудес, напоминающее рассказ Геродота о немой торговле в Ливии.

Рынок – торг, торжище, торговище – являлся тем местом, где в эту эпоху производился обмен и где он только и мог совершаться. В «Русской Правде» читаем: «Паки ли что будет татебны купил в торгу, или конь или порт или скотину, то введет свободна мужа два или мытника»⁹¹. Речь идет о купле-продаже краденых вещей, совершенной на торгу; купивший указывает на продавца, и показания его подтверждаются двумя свидетелями или мытником – сборщиком мыта, необходимой принадлежности всякого рынка. О значении торга свидетельствуют и другие статьи «Русской Правды»: «Оже челядин крыется, а заключить и с торгу»⁹² – о бежавшем холопе объявляется на торгу публично. Такая «заповедь», «закличь» на торгу первое и необходимое условие для вчинения иска о пропавшей вещи. Торг, следовательно, посещаемое всем населением место, где всякое объявление широко распространяется. Поэтому-то в другой статье говорится: «Аще кто конь погубить или оружие или портно, а заповедаеть на торгу, а последи познаеть в своем граде, свое ему лицом взять»⁹³. Если хозяин пропавшего коня или платья (как и сбежавшего челядина) объявит о пропаже на торгу, предполагается, что это должно стать известным по всему городу (в другом списке – по всему миру: «а познает в свое мироу») в продолжение трех дней («а за три дня не выведут его» (ст. 27)). Человек, к которому пристал сбежавший челядин или который поймал ушедшего коня или нашел оружие или платье, узнав об объявлении на торгу, обязан вернуть эту вещь. Исходят из того, что в своем городе, в своем миру объявление, сделанное на торгу, становится известным всем и всякому в трехдневный срок⁹⁴. На торгу собиралось и вече: «В 1068 г. людие Киевстии прибегоша Киеву и сотвориша вече на торговищи»⁹⁵.

⁸⁹ Ипатьевская летопись. С. 163—164.

⁹⁰ *Fraehn*. Die ältesten arabischen über die Wolga-Bulgaren aus Ibn-Foczlans Reiseberichten. S. 210.

⁹¹ Русская Правда. Карамзинский список. Ст. 33 (о татбе).

⁹² Русская Правда. Карамзинский список. Ст. 29 (о челядине). То же в: Русская правда. Синодальный список («о челядех»).

⁹³ Русская Правда. Карамзинский список. Ст. 29 (о изгнели). Синодальный список: «оже кто всядеть на чужой конь».

⁹⁴ *Владимирский-Буданов*. Хрестоматия по истории русского права. Т. I. С. 46. Прим. 40.

⁹⁵ Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 114.

Таким образом, на рынке в Древней Руси (как это было и в других странах) не только происходит товарообмен, но собираются и народные собрания, сообщаются все важные сведения (в т.ч. и распоряжения князя заключаются на торгу), узнают новости, рынок является центральным местом города.

Но это были рынки местные, базары, обслуживавшие, по-видимому, очень незначительный район. На это указывает ст. 36 «Русской Правды», которая является продолжением упомянутых, трактующих о купле краденого на торгу. Она гласит: «А ис своего города в чюже землю извода нет», т.е. вся процедура относительно краденого (указание каждым предыдущего продавца) заканчивается на границах своей земли, земли, принадлежащей городу, в область другого города она не может переходить. «Очевидно, – поясняет Н. А. Рожков, – такая продажа в чужую область признавалась невероятной вследствие крайней затруднительности и чрезвычайной редкости торговых сношений между отдельными городами и рынками»⁹⁶. Имеются, очевидно, отдельные, изолированные друг от друга, замкнутые в хозяйственном отношении районы.

Относительно Киева известно из летописи, что в 1069 г. «Изяслав изна торг на гору», что там имелся (в 1147 г.) Бабин торжок и торговище на Подолье; по словам Дитмара Мерзебургского, в нем насчитывалось свыше 40 церквей и 8 рынков⁹⁷. В Новгороде торг занимал обширное место и подразделялся на ряды, сообразно роду продаваемых товаров или происхождению сидевших в лавках купцов. Находим, например, Вошний ряд (Вошник), где торговали воском, Большой ряд и др.; в «Русской Правде» читаем: «Тысяцьскому до вошник, от вошник подсадникоу до великого ряду, от великого ряда князя (князю) до Неметью вымога» (Немецкого вымола)⁹⁸.

В 1097 г. упоминается торговище в Воздвиженске. В 1114 г. Мстислав Владимирович построил «церковь камяну святого Никола, на княже дворе, у Торговища, Новгороде», а в 1218 г. Константин Всеволодович заложил церковь каменную на торговище во Владимире (Залесском); в 1234 г. литовцы захватили Русу до самого торга («изгониша Литва Русу и до торгу»)⁹⁹. Характерна эта связь торга с церковью, церковная площадь есть в то же время и рынок, как это было и в Западной Европе. И там торговля сосредоточивалась на церковных и монастырских площадях, у древних греков и у народов древнего Востока она совершалась в самих храмах. Впрочем, и на Западе в Средние века дело не ограничивалось одной торговлей на площади перед храмом, а производился торг в самом храме и имелись специальные «рыночные» церкви, «торговые» церкви, где он происходил¹⁰⁰. Храм и площадь перед храмом были теми нейтральными местами, где только и мог совершаться товарообмен, где прекращалась вражда и совершался торг под охраной божества. Точно так же на Руси «самое устройство церквей приспособлено было к торговым целям: в подвале сохранялся товар, в притворе он взвешивался»¹⁰¹. Так это было, как увидим ниже, и в немецкой церкви св. Петра в Новгороде.

Погост имел значение рынка: гостьба – торговля. Но погост означал и место, где находится церковь; так как в последней хоронили и покойников, то и кладбище. Рынок и церковь совпадают. Новгородские купцы в разных местах ставят храмы, которые им, очевидно, нужны были для торговых целей. В 1364 г. «поставиши в Торжку церковь камену... а замышлением богобоязливых купець Новгородских», в 1403 г. «поставиша купцы новгородские, прасолы, в Русе церковь камену»¹⁰².

⁹⁶ Рожков. Обзор русской истории. Т. I. 2-е изд. 1905. С. 25—26.

⁹⁷ Ипатьевская летопись. С. 122, 249. Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 169. *Dit-mar-Chron.* P. 462.

⁹⁸ Русская Правда. Карамзинский список. С. 134.

⁹⁹ Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 251, 419, 486.

¹⁰⁰ См.: Кулишер. Лекции по истории экономического быта Западной Европы. Ч. I. С. 75.

¹⁰¹ Аристов. Промышленность древней Руси. 1860. С. 207.

¹⁰² Полное Собрание Русских Летописей. Т. III. С. 88, 102.

Связь духовенства с торговлей обнаруживалась и в ином направлении – духовные лица сами же и торговали, и давали деньги в рост. «А которые игумены или попы или чернцы торговали преж сего или серебро давали в резы (в рост), а того бы от сех мест не было». «Если поп не перестанет давать в рост, скажи, что ему не достойно служить» (середина XII ст.). В Новгороде и сам владыка вступает в торговые сношения с иноземными купцами, сбывая немцам через посредство других лиц преимущественно продукцию церковных земель. Находилось это в связи с тем, что в Новгороде «особенно значительным сосредоточением земельной собственности отличалась церковь, а именно владычная кафедра и монастыри»¹⁰³. Этим фактам вполне соответствует то, что мы находим на Западе в то же время: папа римский, патриарх венецианский, капитулы, монастыри, монашеские ордены, духовенство всех степеней занимаются торговлей¹⁰⁴.

Еще более занимались торговыми операциями князья. Как мы видели, киевские князья сбывали в Грецию произведения, добываемые ими в качестве дани. И впоследствии получаемые ими дани, виры, оброки наполняли их амбары, что вызывало сбыт накопившихся запасов в другие княжества. «Сообразно с характером времени новгородские князья, – говорит А. И. Никитский, – были не только правителями, но и купцами, которые вели на свой страх торговые обороты. Первоначально князь имел свой двор, где происходил обмен принадлежавших ему продуктов, в особенности произведений его земель, на иноземные товары, позже новгородцы, опасаясь соперничества князя в торговле с немцами, потребовали (в договоре 1276 г.), чтобы князь не имел никакого непосредственного отношения к немецкому двору и торговал бы в нем не иначе, как через посредство новгородцев: “А хто придет з великого князя товаром, торговати им з Новгородци в немецком двор»¹⁰⁵. С их торговой деятельностью можно было бы сопоставить торговые операции, которые в эту эпоху производили на Западе император Фридрих II Гогенштауфен, английские короли, герцоги неаполитанские, французская королева Мария Анжуйская и многие другие коронованные особы¹⁰⁶.

Товарообмен таких областей, как Киевская или Новгородская, заходил далеко за пределы местного оборота. Если можно судить на основании упоминания о тех или других национальностях, пребывающих в Киеве, о его торговле – что еще не доказано, – то придется признать, что киевляне вели торговлю с греками, евреями, армянами, моравами и другими народами. Летопись уже под 898 г. называет евреев, греков и латинов. В 1174 г. среди «всех кыян» перечислены «игумены и попы, и черныце и чернице, латину и госте». В 986 г. встречаются немцы, в 1075 г. к Святославу приходят послы немецкие. В Киеве имелись (1146 и 1156 гг.) ворота жидовские, ляцкие и угорские. В «Слове о полку Игореве» встречаются «немци, венецици, греци и морави» – все они «поют славу Святославлю»¹⁰⁷. Современники удивлялись обширности и величию Киева: он больше Булгара; в нем свыше 40 церквей и 8 рынков. Его называют «лучшим украшением Руси», «соперником самого Константинополя». Впрочем, это свидетельствует главным образом о том, что Киев выделялся из прочих поселений того времени.

Раффельштеттский устав (в Моравии) о таможенных сборах начала X ст. упоминает о славянах, которые приходят из Ругв ради торговли и которым дозволяется торговать повсюду на Дунае с уплатой пошлины. Они привозят воск, рабов, лошадей. Иностранные исследователи

¹⁰³ Акты Археографической Экспедиции. Т. I. С. 462. *Аристов*. Промышленность древней Руси. С. 208, 217. *Winckler*. Die deutsche Hansa in Russland. S. 10. *Никитский*. Экономический быт Великого Новгорода. 1893. С. 39, 94.

¹⁰⁴ См.: *Kulischer*. Warenhandler und Geldausleiher im Mittelalter // Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung. Wien. 1908.

¹⁰⁵ *Winckler*. Op. cit. S. 10. *Бережков*. О торговле Руси с Ганзой. С. 231. *Никитский*. Экономический быт Великого Новгорода. С. 19–20, 94.

¹⁰⁶ См.: *Кулишер*. Лекции по истории экономического быта Западной Европы. Т. I. С. 182.

¹⁰⁷ Ипатьевская летопись. С. 15, 56, 139, 232, 296, 299, 393.

считают этих славян из Ругов славянами, приходящими из Руси¹⁰⁸. На это указывает, по-видимому, и то обстоятельство, что у летописцев того времени княгиня Ольга названа королевой Ругов. Епископ Адальберт, рассказывая о своем неудачном миссионерстве на Русь, именует русских ругами, и в грамоте, выданной ему, говорится, что он был первоначально назначен проповедником для ругов¹⁰⁹. Если это так, то во времена Олега русские купцы уже посещали средний Дунай. Подтверждается это предположение и сообщением арабского писателя X ст. Ал-Бекри о том, что «город Фрага (Прага) есть богатейший из городов торговлею, приходят к нему из города Краквы русы и славяне с товарами»¹¹⁰.

В. А. Васильевский указывает на то, что наряду со сношениями русских купцов через Краков с Прагой в XI ст. уже установлено и встречное движение, путешествия западноевропейских купцов в Русь ради торговых целей через Польшу («Польша, – говорит польский летописец XII ст. Мартин Галл, – известна была немногим, кроме отправляющихся в Россию ради торговли»), в особенности из важного торгового центра того времени – Регенсбурга на Дунае. Впрочем, данных о товарообмене между Киевом и Регенсбургом весьма немного. Есть только сообщения о пилигримах, отправляющихся в Русь, о нападении русских на подданных немецкого короля, хотя, кто были эти подданные и где нападение произошло, неизвестно; имеется известие о том, что в Киеве проживал подданный монастыря св. Эммерама в Регенсбурге, который имел должников среди жителей Регенсбурга, но утверждение, что эти долги были коммерческого характера, являясь результатом вывоза им товаров из Киева в Регенсбург, ни на чем не основано. Более доказательно то, что в грамоте для г. Эннса на Дунае, данной купцам Регенсбурга в конце XII ст., упоминается о повозках, идущих в Русь или из Руси, которые платят 16 линар пошлины, и о «рузариях», напоминающих «гречников» русской летописи, т.е. являющихся людьми, которые торгуют с Русью¹¹¹.

Есть сведения и о торговых сношениях между отдельными русскими областями, о внутренней торговле, как ошибочно называют этот товарообмен, ибо для того времени, когда не было единого государства, а каждое удельное княжество представляло нечто самостоятельное, это была такая же внешняя торговля, как и обмен с греками, литовцами или немцами. Недаром в «Русской Правде» при взыскании долга гость из иного города сравнен с чужеземцем¹¹². «Следовательно, город и его округ, – говорит Владимирский-Буданов, – составляют государство в юридическом смысле»¹¹³, как и замкнутый самостоятельный район – прибавим – в экономическом отношении.

В Киев возили соль из Галича и Перемышля: «Не пустиша купцов к Киеву из Галича и Перемышля и не бысть соли во всей Российской земли». Из Суздальской и Рязанской области шел путь в Киев на Курск, где преп. Феодосий «обретше купце гредущие с возы и вопросы се – камо грядете? Они же рече: в Киев град». И новгородцы бывали в Киеве, хотя в сообщении летописи за 1161 г., что Ростислав в Киеве «повеле изомати новгородци и уметати у Пересеченьский погреб и в одну ночь умре их 14 мужи», ничего не говорится о купцах новгородских. Напротив, договор, относящийся к пол. XV ст., касается и Киева. «А что моих людей или литвин или витблянин или полочанин или смолянин или с иных наших русских земель... торговати им в Новгороде безо всякой пакости, по старине... Також и новгородцам изо всея Новгородской волости торговати без пакости во всей Литовской земле»¹¹⁴.

¹⁰⁸ Inama-Sternegg. Deutsche Verfassungsgeschichte. IV. 2. Aufl. S. 73.

¹⁰⁹ Васильевский. Древняя торговля Киева с Регенсбургом // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1888. Т. VII. С. 8.

¹¹⁰ Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. С. 49.

¹¹¹ Васильевский. Древняя торговля Киева с Регенсбургом. С. 13 сл.

¹¹² Карамзин. С. 69.

¹¹³ Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права. Т. I. С. 59.

¹¹⁴ Ипатьевская летопись. С. 350. Карамзин. История государства Российского. Т. II. Прим. 208. Аристов, с. 175.

Новгородцы, таким образом, торгуют не только с Киевом, но и с Литовской землей. Они ведут торговлю и с другими областями – Черниговской, Суздальской. В 1224 г. черниговский князь заявляет новгородцам: «Гость ко мне пускайте, а яко земля ваша, тако земля моя». В 1216 г. Ярослав «изыма новгородци и смоляне, иже бяху зашли гостьбой в землю его повеле в погреба вметати их, что есть новгородцев, а иных в гридницу... а иных повеле затворить в тесне избе и издуши их полтора, а смолян 15 муж затвориша кроме, те же быша вси живи». Здесь насчитывается целых 150 новгородцев и 15 смолян в Переяславле.

Новгородцы выхлопотали себе и ярлык у ханов, предоставлявший им право свободно торговать в Суздальской земле (1270 г.): «а гостю нашему гостити по Суждалской земли без рубежа, по цареви грамоте». В свою очередь, в договоре 1327 г. постановлено: «суздальскому гостю во новгородской земле гостить без рубежа». В XIV ст. устанавливаются и торговые сношения между Москвой и другими княжествами; об этом свидетельствуют договорные грамоты Москвы с Новгородом 1380 г., с Рязанью 1381 г., с Тверью (около 1399 г.); везде установлено гостю ездить без рубежа, мыты держать прежние¹¹⁵.

С незапамятных времен, – говорит В. О. Ключевский, – «Днепр был главной хозяйственной артерией, столбовой торговой дорогой для западной полосы равнины». По Днепру шел «путь из варяг в греки», «своим низовым течением и левыми притоками Днепр потянул славянских поселенцев к черноморским и каспийским рынкам. Это-то торговое движение вызвало разработку естественных богатств занятой поселенцами страны... С тех пор меха, мед, воск стали главными статьями русского вывоза». «Следствием успехов восточной торговли славян, – читаем далее, – завязавшейся в VIII ст., было возникновение древнейших торговых городов на Руси. Повесть о начале Русской земли не помнит, когда возникли эти города: Киев, Переяславль, Чернигов, Смоленск, Любеч, Новгород, Ростов, Полоцк... Довольно беглого взгляда на географическое размещение этих городов, чтобы видеть, что они были созданы успехами внешней торговли Руси... Возникновение этих больших торговых городов было завершением сложного экономического процесса, завершившегося среди славян на новых местах жительства... Восточные славяне расселялись по Днепру и его притокам одинокими укрепленными дворами. С развитием торговли среди этих однодворок возникли сборные торговые пункты, места промышленного обмена, куда звероловы и бортники сходились для торговли, для гостьбы, как говорили в старину... Мелкие сельские рынки тянули к более крупным, возникавшим на особенно бойких торговых путях. Из этих крупных рынков, служивших посредниками между туземными промышленниками и иностранными рынками, и выросли наши древнейшие торговые города по греко-варяжскому торговому пути»¹¹⁶.

Не преувеличивает ли здесь известный историк роль торговли и торговых городов в Древней Руси? О роли всех этих городов в эту древнейшую эпоху – он ведь начинает ее уже с VIII ст. – нам ничего не известно. И в более позднее время мы знаем – если не считать немногих городов – лишь об укрепленных местах, городищах, но отнюдь не о торговых городах, не о торговых центрах; упоминаются, как он сам же указывает, лишь торговые пункты, куда сходились звероловы и бортники для обмена, – не более.

Мы видели, какова была и торговля с Византией: «Дань, шедшая киевскому князю с дружиной, – указывает сам же Ключевский, – питала внешнюю торговлю Руси»¹¹⁷. «Значит ли это, – справедливо спрашивает Г. В. Плеханов, – что торговля была главной пружиной хозяйственной деятельности русского народа? Нет, это значит лишь то, что торговля доставляла средства существования для князя и его дружины»¹¹⁸. На это указывает и Н. А. Рожков: «Торго-

¹¹⁵ Собрание государственных грамот и договоров. Т. I. № № 15, 28, 32, 36. *Аристов*. Промышленность древней Руси. С. 180.

¹¹⁶ *Ключевский*. Курс русской истории. Т. I. С. 144—145, 148—149.

¹¹⁷ Там же. С. 186.

¹¹⁸ *Плеханов*. История русской общественной мысли. 1919. Т. I. С. 56 сл.

вая деятельность была занятием исключительно одних общественных верхов, князей, их дружинников и небольшой группы состоятельных горожан; масса же населения не принимала в ней никакого участия, потому что не продавала, а отдавала даром продукты охоты и пчеловодства»¹¹⁹. Между тем вслед за В. О. Ключевским А. В. Кельтуяла говорит об «охотничье-торговом» периоде, продолжавшемся до половины XIII ст.¹²⁰, у В. В. Святловского читаем о «примитивно-торговом» государстве¹²¹.

Большое значение торговле Киевской Руси придают и другие авторы. «Благодаря развитию торговли, – говорит В. А. Бутенко, – Киевская Русь достигла процветания. Торговля приносила на Русь большие богатства, содействовала украшению житейской обстановки»¹²², но только – прибавим от себя – обстановки князей, но отнюдь не масс населения. По словам П. П. Мельгунова, «в эпоху Киевской Руси торговля сделалась потребностью общества, что видно из того высокого положения, которое начинают занимать представители торговли и промышленности во взглядах общества и закона... В сознании общества является убеждение, что торговля необходима, и князья русские сами идут “на протолчь” защитить караваны от диких степняков. Торговля настолько делается необходимой, что сам князь занимается ею, как выгодной операцией»¹²³. Однако то, что князья торгуют, еще ровно ничего не доказывает для развития торговли – у самых первобытных народов торговлей занимаются предводители племени, и они первоначально единственные торговцы среди племени. Торгуют они, как и русские князья, не из убеждения, что торговля необходима, а потому, что у них скопляется много излишних продуктов, полученных в качестве дани, оброков и т.д., как и по той причине, что приезжие торговцы обращаются к ним, становятся под их покровительство, подносят им дары. Они являются посредниками между своим племенем и иноземными торговыми караванами. О том, что торговля нужна была населению, мы никаких данных не находим.

И П. Н. Милоков считает возможным утверждать, что «на успехах внешней торговли основывался и кратковременный блеск киевского юга, который быстро обеднел и потерял политический вес, как только расстроилась эта торговля». Впрочем, он признает, что относительно важной роли иностранных купцов в киевской торговле у нас нет сведений – «Мы можем об этом только догадываться»¹²⁴.

Что касается данных о торговых сношениях Суздальской Руси, то нельзя, конечно, истолковывать военных столкновений между болгарами и суздальскими князьями недоразумениями, возникшими на почве торгового, а основание Нижнего Новгорода в 1221 г. и Устюга в 1211 г. стремлением укрепиться в торговом отношении на средней Волге, как это делает М. В. Довнар-Запольский¹²⁵. Эти предположения совершенно не обоснованны.

М. В. Довнар-Запольский особенно настаивает на широте внутреннего обмена и, хотя он признает «крайнюю незначительность исторических известий и случайность этих известий», все же утверждает, что общее впечатление создается в пользу значительных размеров внутреннего товарообмена, подкрепляя это указание тем, что «широкая внешняя торговля должна была вызывать товарообмен и внутри самой страны», хотя в ранние эпохи хозяйственного развития одно вовсе не связано с другим. А такие факты, как пользование мехами в качестве денег, как высокий процент и обращение должников в холопей, как монастыри и церкви в роли банков, свидетельствуют, напротив, о низком уровне торговли. Что же касается богатства, накопленного у знатных людей в виде драгоценных металлов, дорогих одеяний, коней и слуг,

¹¹⁹ Рожков. Обзор русской истории. Т. I. С. 25.

¹²⁰ Кельтуяла. Курс истории русской литературы. Т. I. 2. С. 68.

¹²¹ Святловский. Примитивно-торговое государство. 1912.

¹²² Бутенко. Краткий обзор истории русской торговли. 1911. С. 8.

¹²³ Мельгунов. Очерки по истории русской торговли. 1905. С. 51—52.

¹²⁴ Милоков. Очерки по истории русской культуры. Т. I. 6-е изд. 1909. С. 111—112.

¹²⁵ Довнар-Запольский. История русского народного хозяйства. Т. I. 1911. С. 143.

то из этого еще никакого вывода о размерах торговли нельзя делать; едва ли можно утверждать, что «такого рода блага могли накапливаться лишь путем торгова, промыслов».

Если князья утопали в богатстве и делали крупные дары другим князьям, жертвовали золото, серебро и сосуды церквям, то надо иметь в виду, что они не только владели землями, лесами, водами и т.д., но и получали крупные суммы от населения. Так, доход смоленского князя равен был не менее, чем 3 тыс. гривен серебра, на что можно было купить 12—13 тыс. волов; новгородцы в княжение Ярослава Владимировича давали киевскому князю ежегодную дань в количестве 2 тыс. гривен серебра, а князь Юрий Всеволодович в 1224 г. взял с маленького города Торжка контрибуцию в 7 тыс. гривен кун¹²⁶.

Мы указывали в другом месте на слабое развитие торговли на Западе в раннее Средневековье, до XI—XII ст., на что ссылается М. В. Довнар-Запольский. Но если мерять русскую торговлю этого времени на тот же аршин, — а не с точки зрения названного историка, — то условия и здесь получатся столь же примитивные, а вовсе не окажется, что «древнерусская жизнь была проникнута интересами торгова, промысла» и что западноевропейские порядки «очень далеки от того, что мы встречаем на Руси даже в X веке». Местные рынки и пограничные торги междуплеменного характера мы находим и на Западе уже весьма рано, все условия рыночного торгова подробно регулируются в раннее Средневековье, появляются иноземные купцы, совершающие путешествия через всю Европу вплоть до Константинополя. Монахи, епископы, короли принимают участие в торговле, рынки находятся в тесной связи с церквями и церковными празднествами, церкви являются первыми банками, — словом, все то, что мы наблюдаем на Руси¹²⁷. Если же возьмем более позднюю эпоху XIII—XV ст., которую М. В. Довнар-Запольский тоже имеет в виду, то найдем уже на Западе многочисленные торговые города, купеческие гильдии, купцов, совершающих значительные торговые обороты, монету, вексель и многое другое, чего на Руси еще не было. Конечно, и у нас имелись в эту эпоху города и отдельные торговые центры, но их было несравненно меньше. В сущности, названия торговых центров заслуживают только Новгород да Псков, Смоленск, Полоцк и еще несколько городов; к концу этого периода и Москва. В эту более позднюю эпоху XIII—XV ст., которую надо отличать от предшествующего периода, обмен между различными областями, как мы видели выше, уже постепенно развивался. Однако, по словам А. И. Никитского, «было бы несправедливо представлять себе новгородское население в целом как по преимуществу торговое. Напротив, подобно обрабатывающей промышленности, и торговля была развита в массе населения крайне слабо. Число отдельных торговцев в деревнях и торговых рядков было крайне незначительно». Точно так же «в большинстве новгородских городов она (торговая деятельность) равнялась почти нулю. Для торговли недоставало в них достаточного населения». Вообще «преимущественным, если не исключительным, центром торговой деятельности в Новгородской земле был главный город последней, сам Великий Новгород»¹²⁸.

В эту более позднюю эпоху и В. О. Ключевский находит капитал; именно «Русская Правда», вырабатывавшаяся вплоть до XIII ст., есть, по его мнению, — «по преимуществу уложение о капитале»... Капитал является в «Правде» наряду с княжеской властью деятельной социальной силой... то сотрудником, то соперником княжеского закона... капитал — это самая привилегированная особа в «Русской Правде». «Такое значение капитала в “Русской Правде” сообщает ей черствый мещанский характер. Легко заметить ту общественную среду, которая выработала право, послужившее основанием “Русской Правды”: это был большой торговый город». Однако тут же Ключевский прибавляет, что несколько позднее, в XIII ст., «торговый город потерял свое преобладание в народнохозяйственной жизни». «Капитал, — указывает он в

¹²⁶ Там же. Т. I. С. 170, 183, 316 сл., 323—324, 331 сл.

¹²⁷ См.: Кулишер. История русского народного хозяйства. Т. I. С. 72—74, 224.

¹²⁸ Никитский. Экономический быт Великого Новгорода. С. 87—89.

подтверждение приведенного положения, – служит средством возмездия за те или иные преступления и гражданские правонарушения: на нем основана самая система наказаний и взысканий»¹²⁹. Но такую систему мы находим на Западе уже в так называемых Варварских Пrawdах начиная с V ст. Неужели уже в эту эпоху капитал являлся социальной силой? Можно ли подобным образом смешивать имущество, не приносящее дохода, с капиталом?

В. О. Ключевский придает большое значение тому обстоятельству, что «Русская Правда» (пространная) отличает поклажу от займа; заем краткосрочный от долгосрочного, заем от торговой комиссии; «находим точно определенный порядок взыскания долгов с несостоятельного должника при ликвидации его дел, т.е. порядок торгового конкурса с различием несостоятельности злостной и несчастной». Упоминаются гости и иноземные купцы, которые «запускали товар» за купцов туземных, продавали им в долг. Капиталист вверял купцу «куны в гостьбу», для оборота из барыша¹³⁰.

Однако то, что Ключевский именует громким названием «торгового конкурса» (у нас и при Петре не было конкурсного процесса), сводилось к тому, что должника прежде всего вели на торг и продавали – явление характерное для первобытных эпох культуры, а отнюдь не для эпохи «капитала», когда ответственность отличается имущественным, а не личным характером; затем, при уплате долга отдавалось преимущество князю перед частными должниками (здесь играет роль власть, а не капитал) и гостю перед «домашним»¹³¹, – предпочтение, сохранившееся еще и в XVIII ст. и вызывавшее жалобы в Екатерининской комиссии 1767 г. Что же касается торгового кредита, когда иноземный или иногородний купец продавал в долг местным купцам или давал им куны для закупки ему товара («аже кто купец даст в коуплю куну или в гостьбу»), то это свидетельствует скорее о том, что эти местные торговцы не имели даже тех минимальных оборотных средств, которые необходимы были в эту эпоху, а вовсе не обилие капитала, почему им и приходилось закупать товары в долг у гостей. Вообще это напоминает торговлю ганзейцев с норвежцами в XIII—XIV ст., когда ганзейцы сбывали привезенные товары за рыбу и меха, которые норвежские купцы доставляли им с севера, выменивая их у диких финских племен. Но эти норвежские купцы не имели почти никаких средств, а так как самую рыбу и меха им также еще нужно было выменять, то они брали у ганзейцев муку и другие товары в кредит, обязуясь к следующему году доставить определенное количество рыбы, причем им не всегда удавалось исполнить свое обещание, и тогда от ганзейцев зависело, как поступить дальше¹³².

Как мало был распространен «капитал», мы можем видеть также из того, что заем совершается не только в виде кун, но и в натуральной форме – предметом его являются хлеб, мед, сено, пчелы, животные¹³³, что свидетельствует о наиболее ранней форме кредита для потребительных целей. Мало того, как признает сам же Ключевский, размер роста был чрезвычайно высок. «Годовой процент определен одной статьей «Правды» в треть, на два третий, т.е. в 50%». Только Владимир Мономах установил, что «такой рост можно брать только два года»...

Впрочем, при долголетнем займе и Мономах допустил годовой рост в 40%. «Но едва ли, – добавляет Ключевский, – эти ограничительные постановления исполнялись... Если речь идет о годовом займе, то вскоре после Мономаха милосердным ростом считали 60 или 80 %, в полтора раза больше узаконенного»¹³⁴.

¹²⁹ Ключевский. Курс русской истории. Т. I. С. 302—306.

¹³⁰ Там же. С. 303.

¹³¹ Русская Правда. Карамзинский список. С. 45, 46, 69.

¹³² Bruns. Die Lubecker Bergenfahrer und ihre Chronistik // Hansische Geschichtsquellen. N. F. II. 1900. S. LXVIII ff.

¹³³ Русская Правда. Карамзинский список. С. 47—57, 64.

¹³⁴ Ключевский. Курс русской истории. Т. I. С. 305.

И на Западе в эту эпоху ссудный процент стоял очень высоко, у нас, конечно, еще выше ввиду еще большей бедности в капитале, еще большей медленности накопления. «Капитал чрезвычайно дорог, т.е. отличается большой редкостью», – признает Ключевский. Как же это вяжется с утверждением, что «Русская Правда» есть уложение о капитале и общественной средой, где она возникла, был большой торговый город?

Глава 4

Торговля Новгорода с немцами В XII-XV ст. на основании заключенных торговых договоров

Торговля немецких городов с Русью является лишь одной из частей того товарообмена, который совершался в средневековую эпоху купцами северо-германских городов, объединившихся уже раньше фактически, а впоследствии и формально в ганзейский союз, немецкую Ганзу, в состав которой входило свыше 70 городов померанских, вендских, прусских, вестфальских, голландских, ливонских. Ганза являлась ассоциацией не купцов, а городов, представители которых собирались на сеймы и здесь решали совместно все важнейшие вопросы, которые касались торговли их жителей со странами, расположенными у Северного и Балтийского морей. Англия, Фландрия и Брабант, Скандинавские государства, наконец, Новгород (и Псков) и северо-западные русские области – Смоленская, Витебская, Полоцкая – представляли собою поле деятельности немецких городов.

Задача их была нелегкая. Первоначально всякий иноплеменник был бесправен, и лишь постепенно путем соглашений между различными областями удавалось обеспечить ему хотя бы наиболее элементарные права. Создается особое гостиное право, заключающееся в целом ряде стеснений и ограничений, установленных для иногородних купцов. Эти ограничения вытекают из первоначальной бесправности их, являются последующим смягчением ее. Ограниченная правоспособность гостей есть выражение вражды ко всем чужим, которые противопоставляются своим, местным жителям, горожанам. Стеснения гостей в правах чрезвычайно затрудняли их торговлю, необходимо было добиться их смягчения, установления особых привилегий для купцов данного города. За это и боролась повсюду Ганза в интересах своей торговли.

Прежде всего, необходимо было получить для гостей право приезжать в данную местность, пользуясь охраной властей как для личности купцов, так и для их имущества, право селиться здесь на известный срок и свободно выезжать обратно, не подвергаясь никаким насилиям, даже в случае возникновения войны между данным государством и родиной купца. Последнего нужно было, далее, освободить от таких жестоких обычаев, существовавших в те времена, как береговое право (присвоение государем товаров, спасенных с корабля, потерпевшего крушение у его берегов), как право на груз, упавший на землю, если поломалась телега («что с возу упало, то пропало»), как очищение себя от подозрений при помощи испытания каленым железом или путем поединка (поля). Надо было гарантировать гостю возможность взыскания с местных жителей сумм по проданным товарам, как и вообще возможность добиться суда в столкновениях и тяжбах с ними. Особенно же важно было для иноземных купцов, чтобы их не привлекали к ответственности за преступления, совершенные другими купцами, или не заставили уплачивать убытки последних (право репрессалий). К этому присоединялась и обязанность передачи имущества, оставшегося после смерти гостя на чужбине, представителю его города для выдачи наследникам. Наконец, необходимо было установление различных правил, облегчавших гостям привоз и вывоз товаров, погрузку и разгрузку их, пользование судами и водами, предоставление им лоцманов, перевозчиков, как и возможности рубки леса для починки судов.

Во всех этих направлениях ганзейцы старались добиться привилегий, освободиться от того тягостного гостиного права, которое господствовало в Средние века, и им действительно удавалось достигнуть этой цели. Они оказывались в несравненно более выгодном положении, чем прочие иностранцы.

Это замечается не только в области перечисленных прав, но относится и к другим группам преимуществ, предоставленных им. Везде и повсюду иностранные и иногородные купцы в те времена образовывали самостоятельные поселения, фактории, конторы, как их именовала Ганза, и эти поселения, представлявшие собою нечто самостоятельное, отделенное от прочих частей города, руководствовавшееся собственными правилами, стремились к проведению принципа экстерриториальности, полного невмешательства в их внутренние дела и в разрешение ими вопросов, которые, касаясь иностранной общины, в то же время затрагивали и местные интересы. Таково было, например, право убежища в поселении гостей (преступник, бежавший туда, не может быть потребован обратно), право их судить местных жителей, которые совершили над факторией насилие, право не допускать к себе различных представителей местной (в особенности полицейской) власти. Они настаивали даже на участии в суде (смешанные суды) в случае столкновения гостя с местным жителем, на возможности судиться на основании права своей родины. Все это были очень важные права, которых немецкие купцы в разных странах (как и итальянцы на Востоке) усиленно добивались и которые должны были поставить их в исключительное положение среди гостей, дать им возможность образовывать повсюду государство в государстве и тем самым обеспечить себе возможность захвата торговли с данной местностью в свои руки.

Наконец, для достижения последнего необходимо было приобретение и ряда прав, составляющих третью группу и относящихся непосредственно к торговле. Гостиное право того времени не только было сопряжено с уплатой гостем многочисленных сборов, от которых местные жители были свободны, или, во всяком случае, уплаты их в повышенных размерах, сборов проездных, рыночных, привратных и т.д.¹³⁵, но рост подлежал значительным ограничениям в области производства торговых операций. Гостю запрещено торговать с гостем, он обязан, во всяком случае, предварительно предлагать товары местным жителям и только в крайнем случае может сбывать их другим гостям. Это находится в тесной связи с так называемым штапельным правом, с обязанностью гостей везти товары определенным путем, доставлять их в город, здесь их складывать и выставять на продажу. Торговля должна сосредоточиваться в городе, и товары должны проходить через руки его жителей. Товары не могут провозиться через город или мимо города, они должны быть выставлены в нем на продажу на рынке известное число дней. И лишь в случае невозможности продать оставшееся может быть провезено дальше или только вывезено обратно, причем уплаченный при ввозе рыночный сбор обычно и в этих случаях не возвращается. Гость не может продавать в розницу; исключение допускается для рыночных дней и в особенности во время ярмарок. Он обязан продавать товары через посредство маклера, обязан пользоваться публичными весами, за что уплачивает особый сбор, не может закупать товаров в деревнях, входить в сношения с крестьянским населением, и в этой области ганзейцами была в значительной мере пробита брешь в старинном гостинном праве.

Исходную точку торговых сношений Новгорода с Западом составляют набеги тех самых скандинавских викингов, которые проникли во всевозможные страны Запада и Востока и положили основание многим государствам, в том числе и русскому. Подобно тому как торговля повсюду возникла из военных действий, и новгородская торговля имела своей точкой отправления пиратские набеги норманнов. «Набеги как набеги, – говорит А. И. Никитский, – стали мало-помалу выходить из употребления и уступать свое место торговым сношениям. Но исчезновение их было далеко не настолько полным, чтобы поле действия было совершенно очищено для торговли». Очень часто случалось, что в одних и тех же лицах соединялись промыслы пирата и купца, нередко случалось, что участники одной и той же компании грабили в одном

¹³⁵ См.: Кулишер. Коммунальное обложение в Германии в его историческом развитии. 1914. С. 180 сл.

месте и торговали в другом”¹³⁶. Отзвуки этого явления мы замечаем еще долго и впоследствии в вечных и непрерывных столкновениях между новгородцами и иноземцами, в каждый раз совершаемом ими ограблении другой стороны.

Торговые сношения скандинавских народов с Новгородом имели долгое время случайный характер, пока остров Готланд не стал центральным пунктом для северного купечества, в том числе прежде всего немецкого. Готландцы, а затем немцы, переселившиеся в г. Висби на Готланде, появляются в Новгороде со своими товарами, а в XII ст. Новгород вступает в непосредственные сношения с вендскими городами, прежде всего с Любеком, и они учреждают свою факторию в Новгороде¹³⁷.

Наиболее важным источником для истории торговли между Новгородом и Ганзой являются торговые договоры, заключенные между ними, и прочие соглашения, имевшие место в связи с восстановлением мира и возобновлением каждый раз прерывавшихся торговых сношений. Не все эти договоры являются таковыми в полном смысле слова, многие из них представляют собою, скорее, проекты договоров. Лишь в некоторых из них имеются имена заключивших договор лиц, их подписи, печати, говорится, что на этом обе стороны целовали крест. В других случаях эти внешние признаки договора, действительно заключенного, отсутствуют. Иногда же из самого содержания документа видно, что он является только проектом, например из грамоты 1268 г., написанной на латинском языке, где немцы выговаривают себе различные права и обещают предоставить те же преимущества и новгородцам, приезжающим на Готланд. Но это обстоятельство мало меняет дело, так как, с одной стороны, и договоры в полном смысле слова нередко нарушались, как это можно установить на основании последующих жалоб, нарушались несмотря на то, что обе стороны на том крест целовали. А с другой стороны, и не утвержденные окончательно договоры свидетельствуют о том, какие требования предъявлялись и пожелания высказывались и в каких формах и условиях совершался товарообмен между немцами и новгородцами. Сплошь и рядом постановления таких проектов действовали в качестве обычного права, иногда на них даже ссылались, как на нормы, исполнение которых обязательно.

В договорах этих фигурирует всегда Новгород, но они распространяются и на Псков, как на его пригород; в более поздних соглашениях Псков назван нередко особо в качестве участника в соглашении. Со стороны немцев первоначально выступают остров Готланд и немецкая Ганза в Висби, позже наряду с ними появляется Ганза 73 городов, где на первом плане стоят вендские города, в особенности Любек. Хотя купечество Висби и не исчезает, но все же Любек оттесняет его на задний план. Наконец, постепенно присоединяются и мало-помалу становятся на первом месте ливонские города: Дерпт, Ревель, Рига. В договоре 1392 г. впервые выступают на сцену вместе с «заморскими» и ливонские города, а в 1436 г. Дерпт и Ревель являются единственными представителями всех немецких городов в переговорах с Новгородом. В 1448 г. Любек предполагал и с своей стороны отправить послов для заключения нового мира с Новгородом, но затем отказался, и от имени Ганзы его заключили Рига, Дерпт и Ревель¹³⁸.

Договоры появляются около XII ст., хотя, несомненно, торговые сношения начались уже раньше – ссылаются на более старые грамоты и соглашения, «на чем целовали отцы ваши и наши крест».

Прежде всего в каждом договоре устанавливается общий принцип, что обеим сторонам предоставляется право торговать и им никто не будет ставить препятствий в этом направлении, они могут торговать без стеснений, без насильственного захвата у них товаров. Это выражается словами «вольное торгованье», «путь чист», «без рубежа», «без пакости». Так, уже в первом

¹³⁶ Никитский. Экономический быт Великого Новгорода. С. 24—26. 28—29.

¹³⁷ Buck. Der deutsche Handel in Nowgorod bis zur Mitte des XIV Jahrhunderts. S. 5.

¹³⁸ См.: Hausmann. Zur Geschichte des Hofes von St. Peter in Novgorod // Baltische Monats-schrift. Bd. 58. 1904. S. 267 ff.

договоре, заключенном между Новгородом и немцами и относящемся к концу ХП ст. (около 1195 г.)¹³⁹, в самом начале (ст. 1) читаем: «Первое ходити новгородцю послоу и всякому новгородцю в немецкоу землю и на Готц берег; такоже ходити немьчым и штяном в Новгород без пакости не обидим никымже». Новгородцы здесь посещают не только «Готский берег», но и «немецкую землю», о которой впоследствии уже не упоминается, их плавание обширнее, чем в следующие столетия; немцы же, напротив, «ходят» только в Новгород, о новгородских землях еще не упоминается. Но из дальнейшего видно, что уже в эту эпоху практическое значение права торговли новгородцев в немецких городах отступает на задний план, по сравнению с правом торговли ганзейцев в Новгороде. Именно в той же ст. 1 говорится далее: «Аще боудеть соуд князю новгородцкому Новегороде или немецкому в немях, а в том мироу ити гостю домовъ без пакости; а кого Бог поставить князя, а с тем мира подтвердить, любо ли земля без мироу станеть».

Речь идет о князе, и хотя наряду с новгородским упомянут и немецкий, но такая взаимность в данном случае имеет мало смысла, ибо никаких князей в ганзейских городах не имелось и в дальнейших договорах между Новгородом и немцами о них не упоминается, а новгородскому князю, заключающему договор, всегда противопоставляется немецкая Ганза или купечество Готланда. Очевидно, имеется в виду только Новгород, пребывание немецких купцов в последнем, их торговая деятельность в Новгороде.

Приведенные слова «аще боудет соуд князю» Срезневский понимает в смысле распри между новгородским князем и населением, которая нередко имела место и которая, по договору, не должна была затрагивать немецких купцов¹⁴⁰. Однако о внутренних столкновениях в других источниках нигде не говорится, напротив, как мы увидим ниже, постоянно указывается на то, что война Новгорода с другими странами и областями, т.е. такая, где князь и народ общими силами ведут борьбу с внешним врагом, не должна затруднять свободного отъезда немецких купцов. Гораздо правдоподобнее поэтому толкование Владимирским-Будановым слова «соуд» в смысле Божьего суда – смерти¹⁴¹: со смертью князя, заключившего договор, последний не теряет своей силы, что вполне соответствует дальнейшим словам о необходимости возобновления договора с преемником умершего князя, иначе «земля без мироу станеть». Международные соглашения того времени (как в России, так и в Западной Европе) обязательны лишь для тех, кто их заключает, но не для государства как такового, почему при перемене правителей необходимо было возобновление договора¹⁴².

Предположение, что договор этот регулирует торговлю немцев в Новгороде, по сравнению с которой активная деятельность новгородцев в виде торговли в Готланде и на континенте отступает на второй план, подтверждается и другими постановлениями договора. Таковы, например, ст. 2 и 3, трактующие об убийстве посла и купца. Здесь говорится, правда, как о немце, так и о новгородце; но вира в 20 гривен за посла и в 10 за купца вполне соответствует постановлениям «Русской Правды», различающей убийство привилегированного и простого человека. Такова ст. 7, устанавливающая за насилие над женой или дочерью свободного человека 40 гривен в пользу потерпевшей и столько же в пользу князя. Опять-таки фигурирует только новгородский князь, который здесь выступает в качестве судьи (позже он уже не выполняет этой функции), так что местом действия является снова только Новгород. На пребывание

¹³⁹ Договор, заключенный между 1189 и 1199 гг., напечатан в Русско-Ливонских актах, собранных К. Е. Напьерским и изданных Археографической Комиссией. 1886 г. № 1, а также: *Владимирский-Буданов*. Хрестоматия по истории русского права. Т. I; *Бахрушин*. Памятники истории великого Новгорода. 1909. С. 63.

¹⁴⁰ *Срезневский*. // Записки императорской Академии Наук. Отделение русского языка и словесности. 1867. Т. VI. С. 156. Такое же разъяснение в: *Березсков*. О торговле Руси с Ганзой. С. 81.

¹⁴¹ Такое же понимание слова «суд» допускает в другом месте Срезневский (Материалы к словарю древнерусского языка. Т. III. С. 603).

¹⁴² *Владимирский-Буданов*. Хрестоматия по истории русского права. Т. I. С. 109.

немецких купцов в Новгородской земле рассчитана и ст. 12, упоминающая только о немце, который отправляется на своем судне домой, но ничего не говорящая о новгородце, возвращающемся обратно («оже придет в свое лоды в немецкой домовь»). А из ст. 1 мы можем усмотреть, что немцы посещают уже в это время не только Новгород, о чем упоминается в ст. 1, но и другие русские города. Там разграничивается тяжба, которая «родится» в Новгороде, от тяжбы «вычое зиемли в руских городех». В каких городах, мы это увидим из последующих договоров; во всяком случае немцы ездят и за пределы Новгорода, и в этом случае Новгород слагает с себя всякую ответственность за все, что может там случиться с ними («оу тех свое тяжа прашати, искати Новогороду не надобе»), – обычная оговорка в те времена.

Является ли приведенный договор конца XII ст. действительным договором, т.е. формально принятым обеими сторонами, неизвестно – о целовании креста в нем не упоминается, печатей не приложено. На практике он имел значение договора: в соглашении 1260 г., действительно заключенном, к которому он приложен (в оригинале он не сохранился), о нем упоминается как о старом праве: «А се старая наша правда и грамота на чемь целовали отци наши и ваши крест» (договор 1260 г. ст. 8); возможно, что при заключении мира в 1201 г. это и было подтверждено.

Только что упомянутый другой договор, заключенный между Новгородом и немецкими городами около 1260 г.¹⁴³, вызван жалобами Любека на несправедливости населения, совершенные по отношению к нему, т.е. над немецкими купцами в немецком дворе в Новгороде. С этими жалобами он обращается к Ревелю, который в ответ на это заявляет, что он верен Любеку и немецкому купечеству. Об этом насилии, очевидно, и говорится в ст. 3 договора 1260 г.: «А в Ратшиноу тяжю платили иесмы 20 гривен серебра за две голове, а третью выдахом». В этом случае (Ратша – уменьшительное от Ратислава) уплачена обычная вира за двух убитых, а третьего самого выдали новгородцы. Но в связи с этим установлены еще и другие статьи, которые должны предупредить новые столкновения и обеспечить беспрепятственный товарообмен между Новгородом и немцами.

Последний и здесь подтверждается в начале договора (ст. 1): «Новгородцм гостити на Гоцкыи берег без пакости, а немцм и гтом гостити в Новгород ьез пакости и всемоу латиньскому языку на старыи мир». В противоположность рассмотренному выше договору 1195 г. это соглашение предполагает поездки новгородцев только на готский берег, но не на континент. То же самое говорится в ст. 5 договора: «а новгородцм в становищи на Гоцком березе без пакости в старыи мир» – на Готланде новгородцы имеют «становище», т.е. торговое подворье, об их недвижимости на Готланде упоминается и в проекте соглашения с ганзейцами 1371 г.¹⁴⁴ Напротив, немцы, как видно из договора 1260 г., торгуют и на острове Котлине (ст. 5), и в Кареле (ст. 6), причем новгородцы отвечают за путь от Котлина до Новгорода лишь в том случае, если он совершается в сопровождении новгородца («А что ся оучинити и с Котлинг до Новагорода или из Новагорода до Котлинг немецкому гостю, оже без посла поидоуть, то Новоугородоу тяжя не надобе в старыи мир»). Это обычное средневековое правило: город или государь принимает на себя ответственность за случаи ограбления купцов, если их сопровождает конвой (или они имеют заменяющие конвой конвойные грамоты); в этом случае купцам возмещаются понесенные ими потери.

Такое ограничение активной торговли новгородцев одним островом Готландом и, напротив, расширение деятельности немцев подтверждается и соглашением 1269 (1270) г. Мы имеем здесь два документа, из которых один составлен немцами, другой, являющийся как бы ответом на него, новгородцами – в каких пределах они были утверждены впоследствии, неизвестно. В четвертом договоре Новгорода с Михаилом Ярославичем от 1304 г. упоминается о посланиях

¹⁴³ Договор содержится в: Русско-ливонские акты. № 16; *Бахрушин*. Памятники истории великого Новгорода. С. 64.

¹⁴⁴ *Hansisches Urkundenbuch*. IV. 397. *Goetz*. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. 1916. p. 182.

немецким городам, скрепленных крестным целованием; быть может, это и было утверждение договора 1269 г.

Этот договор 1269 или 1270 г.¹⁴⁵ также трактуется лишь о свободах новгородцев, посещающих Готланд, – им гарантируются те же права, что и немцам и готландцам в Новгороде. По-видимому, и ст. 23 о новгородском после, убитом за морем, имеет в виду путешествие в тот же Готланд, а не в какие-либо иные местности. Это толкование согласуется и со ст. 10, где говорится о долгах новгородцев только в Готланде. Наконец, о незначительной активной деятельности новгородцев свидетельствует то, что, как видно из ст. 1, они отправляются даже в Готланд на немецких судах, следовательно, собственных судов не имеют. Это указание крайне умаляет роль новгородцев в торговле. Все сколько-нибудь значительные торговые города того времени владеют собственными судами; при отсутствии их торговля с другими странами и городами немыслима.

В противоположность этому интенсивность торговой деятельности немцев растет. С конца XII ст. до 60-х годов XIII ст. она сделала значительные успехи; это можно усмотреть из сопоставления упомянутого договора конца XII ст. и договора 1269 г. В последнем немцы требуют, чтобы новгородцы принимали на себя ответственность за благополучное путешествие ганзейцев, начиная от острова Бьорко, новгородцы же согласны отвечать только за путь начиная от Котлина по Неве, Ладожскому озеру и Волхову. Сарториус-Лаппенберг и Андреевский объясняют последнее тем, что власть Новгорода над островом Бьорко в это время уже была слаба ввиду завоеваний шведов в Финляндии и появлении датчан у Наровы и т.д., так что они ручаться за безопасность в этих местах не могли¹⁴⁶. В предыдущем договоре 1260 г. (ст. 5) упоминается только «зимний гость», т.е. немецкие купцы, которые приезжали осенью и оставались, как видно из постановления 1338 г., до последнего санного пути или до открытия первой навигации. В договоре 1270 г. наряду с «зимнем гостем» появляется впервые и «летний гость» (ст. 1 и 2), который может пребывать «до последней навигации или до первого санного пути»¹⁴⁷. Это ограничительное постановление самой Ганзы, но вполне соответствующее характеру торговых сношений в ранние эпохи, когда иностранные купцы допускаются лишь на известный срок и по истечении его и по выполнении своих операций обязаны уехать обратно, постоянно же селиться им еще не дозволяется. Во всяком случае, присоединение теперь новой группы ганзейских купцов, которые ежегодно сменяют первую, свидетельствует о расширении торговли немецких городов с Новгородом. Последняя совершается теперь не только зимою, как это было раньше, но и летом, происходит в течение всего года.

Но в том же договоре имеется еще и постановление (ст. 16), содержащееся, впрочем, в одном лишь немецком предложении (латинской грамоте), согласно которому гости, отправляющиеся обратно из других областей к себе домой, обязаны уплачивать в пользу церкви св. Пятницы сбор в размере не свыше одной марки серебром. Немцы его ограничивают этими размерами, так как, вероятно, прежде взималось и больше. Никитский усматривает в этих гостях, едущих из «выше лежащих местностей» (*de superioribus partibus terrae*), торговцев, которые прибыли горой, но отправляются обратно не тем же путем, как обязывал раньше обычай, а морем на Готланд. Напротив, Бережков, как и Ризенкамф и Гётц, понимают под этими купцами гостей, ездивших в глубь новгородских владений и там закупавших такие товары, как

¹⁴⁵ Договор напечатан в: *Андреевский*. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г. 1855; *Бахрушин*. Памятники истории великого Новгорода. С. 64 сл.; *Tobien*. Die ältesten Traktate Russlands. Bd. I. 1845. S. 85 ff.; *Goetz*. Op. cit. S. 90 ff. В издании Тобиена и Гётца и в примечаниях у Андреевского содержится и латинская грамота — проект договора, составленная немцами.

¹⁴⁶ *Sartorius-Lappenberg*. Urkundliche Geschichte des Ursprungs der deutschen Hanse. 1830. bd II. s. 97. *Андреевский*. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г. С. 21. См.: *Бережков*. О торговле Руси с Ганзой. С. 194.

¹⁴⁷ Постановление 1338 г. // Цит. по: *Никитский*. Экономический быт Великого Новгорода. С. 110.

меха или воск, которые обычно немцы приобретали в самом Новгороде. Там же они сбывали свои товары, становились, следовательно, конкурентами новгородцев, в особенности тех из них, которые сами посещали Готланд, «заморских купцов». В пользу общины последних, группировавшихся вокруг церкви св. Пятницы, такие иноземные гости и обязаны были делать упомянутый взнос. Последний являлся известным стеснением этой непосредственной торговли немцев с новгородскими областями – в сущности, торговля должна была происходить через руки новгородцев¹⁴⁸.

О развитии немецкой торговли в Новгороде во второй половине XIII ст. свидетельствует и разнообразие и обилие постановлений, содержащихся в грамоте 1268 г. и договоре 1269 г., которыми они отличаются от договоров как 1195 г., так и 1260 г. Если, с одной стороны, в 1268—1269 гг. находим ряд положений, которые встречались уже в предыдущих соглашениях, то другие впервые появляются теперь и затем повторяются уже в многочисленных переговорах между немцами и Новгородом и обещаниях, даваемых ими друг другу; есть и такие, которые имеются только в трактатах 1269 г. и позже не повторяются. При этом характерными являются те многочисленные или, во всяком случае, гораздо более детальные по сравнению с предыдущими требования, которые предъявляют немцы в 1268 г. и из которых видно, насколько усложнились торговые сношения, какие новые потребности и нужды они вызвали к жизни и в каких направлениях стало необходимым нормировать товарный оборот. Новгородцы соглашались далеко не на все, делают контрпредложения, некоторые пожелания немцев оставляют без ответа – хотя это еще вовсе не доказывает, что эти требования их не были приняты, ибо окончательная форма трактата нам неизвестна, или что они фактически не были проведены все-таки в жизнь. Наряду с этим многие признанные обеими сторонами постановления, как показывают последующие факты, каждый раз снова и снова нарушались, им приходилось вновь подтверждать, но действовали они опять недолго – до следующего нарушения.

К таким вечно повторяющимся, но никогда не исполняемым заверениям относятся встречающиеся уже в предыдущих договорах постановления об индивидуальной ответственности каждого за долги или преступления и о недопустимости захвата имущества, принадлежащего другим лицам, не причастным к делу. Вообще возникающие споры и тяжбы не должны препятствовать отъезду иностранных гостей – не должно быть репрессалий, «рубежа не чините», а «знати истцу истца», «гостя в том не порубати и не грабити и товару у гостей не отнимати», как гласят многочисленные последующие заявления. И все же вся история русско-ганзейской торговли есть один сплошной захват русскими или немцами товаров посторонних лиц за убытки, действительно или якобы ими понесенные, непрерывный ряд насильственных действий, основанных на идее круговой поруки между лицами, происходящими из одной и той же местности или принадлежащими к одной и той же национальности.

Так, убийство новгородца Власия и ограбление его во время морского путешествия подало повод новгородцам к насилию над ганзейцами. Соглашением 1338 г. устанавливается, что дети и товарищи Власия не должны касаться немецких гостей и последним должны быть возвращены отнятые у них товары. Они должны иметь дело только с виновниками убийства и ограбления Власия Гинзом Вельтберге и Гербортом. Если эти лица окажутся в немецких или ливонских городах, то они должны быть задержаны и согласно «целованию креста», т.е. на основании прежних договоров, преданы суду¹⁴⁹. Каждая сторона, следовательно, обязана задерживать виновных, если они попадут на ее территорию, их наказывать и возвращать отнятые у потерпевших товары. В одном послании Новгорода к Риге читаем: «Что наших братьев у вас убили, а товары их ограбили, за это бог вам судья. Если вы нашли разбойников, то судите

¹⁴⁸ Никитский. Экономический быт Великого Новгорода. С. 72, 145 сл. Березков. О торговле Руси с Ганзой. С. 156 сл. *Riesenkampf*. Der deutsche Hof zu Nowgorod. S. 74. Goetz. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. S. 141.

¹⁴⁹ Hansisches Urkundenbuch. Bd. II. S. 614, 615. Sartorius-Lappenberg. Urkundliche Geschichte des Ursprungs der deutschen Hanse. S. 142.

их согласно крестоцелованию, дайте нашим братьям товары и разбойников, чтобы между нами не было речи»¹⁵⁰.

В 1373 г. заключается новое соглашение на тех же основаниях по поводу столкновения между Новгородом и немцами, вызванного ограблением русских на Неве и у Стокгольма («взяле у нас товар перед Невею разбойники», «товар, что у Стеколме взяле») ¹⁵¹. Следующий трактат, в котором выступает наряду с Любеком и Висби, также Рига в качестве представителя Ганзы, заключен в 1392 г. За ограбление русских в Нарве новгородцы захватили немецких купцов из Дерпта и других городов и передали их товары потерпевшим: «Те товар, что в Ругодиве (в Нарве) порубиле и против того товара повеле Новгород взяти товар своеи братьи и посаднике и тысяцкии и весь господин велики Новгород повелеша товар дати своеи братьи». А между тем эти немцы были снабжены «опасными» грамотами, выданными им Новгородом за печатью посадника и тысяцкого. Ссылаясь на эти грамоты, представители немецких городов при заключении мира добиваются возврата товаров немецким купцам. Новгородцы пускай сами взыскивают убытки с жителей Нарвы: «Ведатися им самы с теми истци своими купци», «знати исцю исца»¹⁵². В том же договоре 1392 г. немцы жалуются на то, что в 1385 г. сгорел их двор в Новгороде и во время пожара было украдено в церкви много имущества немцев: «Двор их погореле и что у их Бжнице пакость учинилась»; новгородцы обязуются разыскать воров, наказать их и вернуть украденное. Однако, прибавляют они, если бы найти их оказалось невозможным, то Новгород за это не отвечает: «Аже найдуть что, того товара выдати немцем Новгороду по крестному целованию, или не найдуть, в том немцам измене нетуть»¹⁵³.

В 1423 г. русские ограблены в устье Невы и отвезены в замок поблизости от Висмара, на что новгородцы отвечают арестом немецких купцов, а ганзейцы вслед за этим запрещают поездки в Новгород. Следовательно, новгородцы за вину одного делают ответственными всех, что ведет к перерыву в торговле¹⁵⁴. То же произошло после убийства русскими в Нарве немецкого дворянина Гергарда Клеве – результатом было задержание в 1438 г. русских купцов в ливонских городах и вслед за тем немцев в Новгороде – немцы и русские одинаково нарушают высказанное сотни раз обещание. Вновь устанавливается, что «путь чист», хотя новгородцы, очевидно не доверяя немцам, в соглашении 1439 г. предоставляют право отъезда задержанным немцам лишь после того, как все русские купцы вернутся целы и невредимы со своими товарами из Ревеля и Дерпта в Ниеншлот¹⁵⁵.

Как мало, в сущности, принцип индивидуальной ответственности проник в сознание людей того времени, видно из того, что наряду с высказываемым каждый раз требованием взыскивать убытки только с виновного и задерживать только его, в том же договоре 1269 г. (ст. 15) говорится о том, что в случае столкновения между новгородцами и «зимним гостем» летние гости за это не отвечают, и наоборот, то же выговаривается в отношении зимних гостей. Следовательно, все-таки предполагается групповая ответственность летних гостей или зимних гостей, и только стараются ограничить ее одной группой купцов, которая себя выделяет из прочих, чтобы распря не распространилась на всех немецких купцов, приезжающих в Новгород. В 1448 г. заключен мир между Ливонским орденом, с одной стороны, и Новгородом и Псковом – с другой. В связи с этим устанавливается, что в случае столкновений между орденом и Псковом не допускается задержания новгородских гостей, как и не должны страдать псковичи за вину новгородцев. Это положение повторяется и в соглашениях 1474, 1484, 1493 гг.¹⁵⁶ На

¹⁵⁰ Hansisches Urkundenbuch. Bd. II. S. 46.

¹⁵¹ Русско-ливонские акты. Издание Археографической Комиссии. 1868. № XCVI.

¹⁵² Русско-ливонские акты. № CXV

¹⁵³ Там же. № CXV

¹⁵⁴ Goetz. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. S. 25.

¹⁵⁵ Ibid. s. 29.

¹⁵⁶ Goetz. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. S. 30. См. также с. 33, 34.

принципе, что невинный не должен отвечать за виновного, настаивают, следовательно, уже не ганзейцы, а русские, но и они ограничиваются разграничением городов, установлением ответственности каждого города, но не отдельного лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.